

A photograph of a stone staircase leading up a hillside. The stairs are made of rough, weathered stones and are flanked by a stone wall on the left and a green metal fence on the right. The background is filled with lush green foliage and trees. The overall scene is bright and natural.

НАТАЛЬЯ
БАРАБАШ

ОСТРОВ
СИРЕН

КТО РАСКРОЕТ ТАЙНУ СТАРИННОГО АРХИВА?

Наталья Барабаш
Остров сирен
Серия «Географический
детектив», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57126558

Женщины в плохом настроении:

ISBN 978-5-04-116020-3

Аннотация

Две незамужние подруги – журналистка Машка и врач-аллерголог Лена – отправились на поиски женихов в Амальфи. Но вместо этого были вынуждены искать таинственно исчезнувшего друга соседки по отелю и пропавший старинный архив. На вилле бывшего олигарха Игоря происходит серия загадочных покушений и убийств. Кто стоит за ними: жена олигарха, его любовницы, дочь, шаман Костя или кто-то еще? Маша с Леной ведут свое расследование.

Содержание

Знакомьтесь, Абрамович!	4
Машка рулит!	15
Дорогая пропажа	19
Невеста-бухгалтер	23
Месяцем раньше	29
Беспризорные деньги	32
Игорь дома?	35
Приглашение на ужин	39
Выход самовара из-за печки	45
Нет тела – нет дела	53
Опознание	58
Два года назад. Спаситель из сортира	61
Явление Анжелы	67
Скелет принца в шкафу	72
Человек-пельмень	80
Женщины в хорошем настроении	87
Любимое дело Власика	89
Амфора с секретом	92
Ужин в террариуме друзей	96
Завещание	105
Отъезд домой	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Наталья Барабаш

Остров сирен

Знакомьтесь, Абрамович!

Никогда не знаешь, кого пошлет судьба, если решит перевернуть твою жизнь.

Яков был из тех редких людей, что сделали из фамилии профессию.

– Меня зовут Абрамович! – гордо провозглашал он. – Да, именно – Абра-мо-вич! Вам это что-то говорит?

Представлялся он скромно – управляющий банком. Название банка произносил скомканно, так что вы еле улавливали знакомую аббревиатуру. И тут же с предвкушением рыбака, закидывающего удочку, захлебисто спрашивал: – А вы где работаете?

Он коллекционировал нужные контакты. И если бы не злая судьба, подбросившая нам этот подарок – суетливого невысокого мужичка лет 50 с выдающимся пузцом и кривоватыми волосатыми ногами, по-цыплячьи торчащими из цветастых шортов, мы никогда бы не повернули в его сторону головы. Но тут деваться было некуда.

Он сидел через проход в автобусе, который вез нас с подружкой Машкой из аэропорта Неаполя в отель у моря в

Амальфи. Яков ехал на отдых с девицей. Девица была моложе его лет на 25 и совершенно невзрачной внешности – пыльно-серая ночная бабочка с так и не проступившими из личинки чертами лица. Очевидно, Яков увлекался лепкой. То есть мечтал вылепить из этой глины удобную для себя Галатею. Процесс уже пошел: девица была молчалива, и когда Яков от нее отвлекался, как бы переставала существовать. Мне казалось, что и дышала она через раз. Экономила воздух.

Сначала сидящие рядом пассажиры общались с Яковым не без удовольствия. Дорога длинная, вниз на головокружительные обрывы с кровожадными клыками скал страшно смотреть, а тут – такой фейерверк красноречия. Через 5 минут выяснялось, что у вас масса общих знакомых – он знает вашего начальника, начальника вашего начальника и всех его боссов вплоть до самого главного. А также всех, кто хоть как-то связан с перетеканием денег в любых сообщающихся сосудах.

Через полчаса его трындеж подкатывал к горлу тошнотой вместе с кружением отвесной дороги. Через час вы с надеждой поглядывали в пропасть. А он продолжал захлебываться рассказами о чудесах своей пронырливости.

– Вы в газете работаете? – заинтересовался он Машкой, когда она в ответ на его расспросы промычала что-то про отдел пиара в крупном издательском холдинге. Видно было, как жадно закрутились жернова его мозгов и выдали от-

вет: может быть полезным. Зачем, кому – наш новый знакомец еще не знал, но уже положил Машку с ее выдающейся грудью и пиар-службой на полочку своего файлообменника. Возможно, и фаллосообменника тоже, так как он намертво забыл о сопровождающей его девице. Меня он проигнорировал: мы с моей аллергией (я – врач-аллерголог) и скромными относительно Машки размерами бюста были не в его вкусе. Про элитную клинику я дальновидно промолчала.

– Маша! – заливался Яков так, будто они вдвоем сидели в уютном ресторанчике, а не в тесном вонючем автобусе, забирающемся, кряхтя и попердывая клубами дыма, на очередной круг серпантина. – Ну, вы-то должны его знать! Красовский! Послушайте! Его все знают! Так вот именно я вывел его денежки в Швейцарию. Именно я! Я создал такой фондик – мечта, а не фондик! Организовал как бы пожертвования. А потом мы эти пожертвования... Кстати! Маша! У вас есть средства? Их же надо срочно выводить! Вам – лично вам! – я сделаю это практически бесплатно. Каких-нибудь 10 процентов... Но если у ваших клиентов есть проблемы...

Я ненадолго задремала, а когда очнулась, увидела замороженную до полуобморока Машку и продолжающего страстно токовать Якова: – А еще денежки – Маша, внимание! – можно сохранить так... Вы переводите мне всю сумму в рублях...

Автобус неожиданно остановился – уже стемнело, и мы не сразу поняли, что вход в наш отель находится прямо на

дороге. Водитель выкинул чемоданы перед некогда голубой, а сейчас обшарпанной до костей итальянской дверью. Мы шагнули из духоты автобуса в еще большую духоту распаренной на солнце дороги, дохнувшей нам в ноги жаром. И с ужасом увидели, что из всей группы в этом чудесном месте живем только мы с Машкой. И Яков с девицей.

– Пойдите здесь! – сказал он нам. – Схожу на разведку!

Я поняла, что разведать он хочет, какая комната получше. И потому тоже решительно шагнула внутрь.

Крошечный белый коридорчик можно было назвать рецепцией только чтобы не обидеть хозяев. За карликовым столом в углу никого не было, но при нашем появлении звякнул колокольчик, и тут же откуда-то выплыла пышнотелая итальянка в цветастом платье.

– Ай нид бест рум! – тут же затараторил Яков, забыв о всяком джентльменстве. – Ай бест френд е хозяин! Хозяин, хозяин – он щелкнул пальцами...

– Оуне! – тихо подсказала девица.

– Да, вот именно. Моя фамилия – Аб-ра-мо-вич! Ан-дестенд?!

Толстуха на рецепции его не слушала. Она тарасилась в старенький компьютер.

– Паспорт! – сказала наконец, кивнув и нам с Машкой. Мы тут же протянули ей краснокожие книжицы, Яков панически шарил в сумке, приговаривая:

– Счас, счас. Си व्यю! Ну, море, море чтоб из окна. Хозяин

велел!

Дама, не дрогнув, вытащила из ящика два допотопных, как будто от старинных дворцовых ворот, ключа, и сунула их нам и Якову, не глядя.

Яков обиженно запыхтел, но мы с Машкой решили не ждать финала его «беструмовской» битвы. На гирьке-брелочке у нас была написана цифра 3, дама кивнула на лестницу, и мы поволокли вниз по винтовым загогулинам свои чемоданы.

На третьем пролете я стала жалеть, что мы не добавили по 200 евро и не поселились в более приличном месте.

– А еще нарисовали себе на фюзеляже 4 звезды! Может, у них эти звезды означают сбитые хозяином в войну самолеты? – бурчала Машка.

Но комната оказалась на удивление просторной, с двумя прижавшимися к светлым стенам кроватями и круглым столом с приветственной бутылкой вина. И большой террасой за старой разохшейся балконной дверью. Вид в 11 вечера не просматривался, только какая-то бездонная, пахнущая йодом влажная чернота. И мы завалились спать.

* * *

А утром сквозь муслиновые белые занавески к нам сначала ворвалось дрожащее от нетерпения солнце, а потом, когда мы выскочили на террасу, глаза ослепила бескрайняя

синь. Оказалось, комнатка буквально висит над морем. Мы ошалевшими от счастья легкими вдохнули искристо-соленый воздух, глянули на скользящие по лазури белые мотыльки парусов, и...

– Де-воч-ки! – услышали откуда-то сверху знакомый голос.

Терраса Якова была в углу дома над нами. Они с девицей уже сидели за столиком и доедали завтрак.

– Как вы устроились? – весело спросил Яков, выглядывая сквозь резную решетку.

– Отлично!

– А как завтрак? Вам дают одну чашку кофе? А нам – две! Представляете – сначала они не хотели давать нам вторую! Ну, я позвонил местному туроператору, он не решил вопрос, я вызвал представителя отеля, он что-то мямлил, я дозволился в Москву, и теперь нам дают две чашки!

В этот момент нам принесли завтрак. Кофе не было вообще. «Машина сломалась!» – пояснил официант, отводя глаза. Мы поняли, что хитрые итальянцы поят вгрызшегося им в печень Якова нашим кофе.

...На пляж мы спускались на лифте. Открывается дверь – и ты сразу, как в кино, попадаешь в другую реальность. Под ногами – раскаленная галька, хоть яичницу жарь. Под полосатыми зонтами – лежбища краснокожих туристов. А в двух шагах от них уже призывно шуршит море, катая белым языком прибой разноцветные камешки.

Именно об этом я мечтала в своей поликлинике, когда на очередной планерке шеф бубнил о том, что клиентов нужно обслуживать быстро и дорого.

– Не забывайте! – вещал он. – Это вам не социальная больничка! Пациент должен почувствовать наш высокий уровень по цене назначенных вами процедур! А вы, Елена Александровна, по 15 минут с больными беседуете, а назначаете какие-то аллерго-пробы за три копейки! Разве можно так лечить?!

В такие моменты мне и хотелось нырнуть в какое-нибудь море. Ну или утопить в нем шефа.

Машка тоже намучалась в своей газете: желающих пиариться в допотопных бумажных изданиях становилось все меньше, и ее начальница съедала раз в квартал по сотруднику. Сейчас кольцо сжималось вокруг Машки. Поездка за полцены была просто подарком судьбы.

О, как мы ждали этого отдыха!

И дождались.

...Яков вынырнул из волны, когда нас можно было брать голыми руками – мы заходили в воду по острой гальке.

– Девочки, сегодня вечером едем в Читару! Я все узнал! Там рыбацкая деревушка и можно дешево поесть свежего тунца.

– Да тунца здесь в любом ресторане дают! – заметила Машка.

– Это не то! Там его разделявают на твоих глазах. И глав-

ное, стоит – копейки! Ко-пей-ки!

– Да-да, мы подумаем! – прервала его Машка, и мы обе нырнули в воду с головой.

Вечером мы выбегали из отеля, как солдаты под обстрелом. Бросками от одной точки до другой, лишь бы не встретиться с соседями.

* * *

...Амальфи пах жареными на гриле кальмарами, сауно-горячими камнями и лимончеллой. Лимоны здесь были везде: их рисовали на футболках, полотенцах, тарелках, пла-
тях, они косили желтыми глазами с пузатых бутылочек в витринах, подмигивали со всех стендов с магнитиками и, конечно, растекались по горлу ароматным щекочущим горло ликером, который вам плескали в рюмочки в каждом заведении.

Зазывалы в колоритных костюмах тащили туристов к выставленным на льду серебристым рыбам и тазам с запятыми мелких креветок.

На третьей таверне мы позорно пали, так и не дойдя до ресторана у моря.

Просекко защекотало горло холодными пузырьками, длинные змеистые спагетти ди маре воздвиглись горами на гигантских тарелках, ошетилившись броней черных ухмыляющихся щербатыми пастями мидий...

– Любите ли вы Италию, как люблю ее я? Нет, вы не любите Италию... , -повторяла я спустя три часа заплетающимся языком, с трудом взбираясь вверх к нашему отелю.

Яков стоял у входной двери. На руке у него висела полуморочная девица с зеленоватым лицом кикиморы: я поняла, что ее укачало в автобусе.

– Да, девочки, вы молодцы, сэкономнили на дороге! – зататорил Яков, перегораживая нам вход. – Представляете, в этой Читаре такие же цены! Ну, я сказал, что я из народного ресторанного контроля! Вызвал директора таверны. Пригрозил, что всех выложу в интернет. И мне таки сделали скидку! – он бросил на нас победный взор. – Зато потом! О! Мы пошли на местный рынок. А там все дают пробовать. Представляете? Оливки, сыр, вино – все! Бесплатно! Мы так напробовались! До отвала! Никакого ужина не надо!

Увидев наши кислые мины, Яков спохватился: – Нет, я и в номер кое-что купил! Специально для вас! Шампанское и дыню!

И муки, пережитые им при этой разорительной покупке, проступили на лице горестными складками. Даже я оценила его размах – в переводе на нормальный это было все равно, что купить квартиру и яхту двум случайным соседкам по гостинице.

– Ну что, девочки, пойдём к нам, накатим?

– Не получится. Нам завтра на экскурсию рано вставать! – сказала я.

– Но ведь я уже все купил?! – изумился Яков. – И у меня для Маши есть такой скандальчик! Розан, а не скандальчик! Ее газета миллион за него заплатит!

– Сейчас все наоборот: газетам платят, чтобы скандальчики публиковать! – проворчала Машка и движением бедра отодвинула от двери Якова вместе с его полуобморочной спутницей.

– Чего ему надо? – бубнила Машка, когда мы скатывались вниз по лестнице. – Я понимаю, когда мужики клянутся втайне от жен и любовниц. Но чтобы вот прямо на ее глазах?

– Мне кажется, его не ты возбуждаешь, а твоя газета. Как думаешь, девица – жена или любовница?

– Конечно, любовница! Из подчиненных. Терпит и молчит.

Вечер мы решили закончить у себя на террасе с подаренной отелем бутылочкой вина. Но не успели ее достать, как в дверь отчаянно забарабанили:

– Маша, Ле-на! Але!

– Я быстро разденусь и лягу в кровать! – шепотом предложила Машка.

– Думаешь, Якова отпугнет вид раздетой девушки в кровати?

– Откройте! Вы здесь? – продолжал он биться, как шмель о стекло.

– Придется открыть, – вздохнула я.

Яков стоял на пороге в одних боксерских трусах. Он пы-

тался втянуть волосатый белый живот и поигрывать чем-то вроде мускулов, надежно скрытых по-обезьяньи обильной растительностью.

– О, вы дома! – светски удивился Яков, как будто это не он только что чуть не выломал дверь. – Ну что, по шампусику? – при этих словах он попытался просочиться к нам в комнату через узенькую щелку.

– Мы хотим спать! – закрыла Машка лазейку собственным телом.

– Спать?! Когда можно выпить шампанского даром?

Но я уже захлопывала дверь, приговаривая:

– Завтра! Все завтра!

Я не знала, что никакого завтра у Якова с шампанским уже не будет...

Машка рулит!

Утром мы помчались на причал, чтобы успеть на катер до Капри. Надо же увидеть, где жил наш пролетарский Буревестник, выкликавший бурю на головы несчастных россиян.

... Палуба была набита пассажирами, как метро в час пик. Чтобы найти свободное место, Машка нырнула под какие-то заградительные веревки и уселась на лежащие бочки. Я только пристроилась рядом, как из открывшейся каюты возник симпатичный итальянец в морской форме:

– Здесь пассажирам нельзя!

– Да разве мы пассажиры! – сказала Машка, обволакивая мужика лучистым взглядом. – Мы морячки! Вы знаете, что Москва – порт пяти морей?

– В Москве есть море? – удивился итальянец.

– Нет, моря нет. А морские порты есть! Так у нас на плакате в парке написано. Загадочная русская душа! Как вас зовут?

– Меня? Микеле.

– Вот кстати, Микеле, не могли бы вы мне помочь? Давно мечтала узнать: а чем морские суда отличаются от речных? – подсекла добычу Машка.

Она давно открыла этот секрет: хочешь понравиться мужику, попроси его что-нибудь объяснить.

Через десять минут захватывающего рассказа об особен-

ностях осадки, радиосвязи и грузоподъемности Микеле решил поверить теорию практикой:

– Девушки, а вы не хотите пройти на капитанский мостик? Это была его роковая ошибка.

– Конечно, хотим! – сказала Машка.

Но как только шагнула в рубку, потеряла к нашему спутнику всякий интерес.

Капитан! Чернокудрый красавец в белоснежной морской форме! Он небрежно держал руль загорелыми руками и косил на нас огненно-конским глазом.

– Господи! Всю жизнь мечтала подержать в руках такой руль! – воскликнула Машка.

Я усмехнулась двусмысленности фразы, но капитан уже нежно обнимал ее за плечи, показывая, как обходить вечно путающиеся перед носом яхты.

– А вот там – остров сирен! – кивнул он на виднеющиеся вдалеке зубцы скал. – Здесь они пытались соблазнить Одиссея! Ох, эти женщины!

И он игриво положил свои ручищи поверх Машкиных.

Несчастные пассажиры так и не поняли, почему при полном штиле их безбожно мотало всю дорогу до Капри. Зато Машка узнала, как обходить буи, что делать, если прямо на тебя движется пассажирский лайнер, почему надо держаться подальше от скал и женат ли капитан.

Капитан сказал, что неженат. Так делают все Машкины кавалеры. И перед швартовкой Роберто и Машка обмена-

лись – еще не кольцами, но телефонами. Хотя после совместного поворота руля от скутериста, когда Роберто впечатался в Машку всем мускулистым телом, он, на мой взгляд, уже, как честный человек, был обязан...

Микеле, вздохнув, попытался увлечь меня осмотреть какую-то очень интересную подсобку, но я гордо отказалась.

Наконец мы шагнули на солнечный, утопающий на вершинах скал в зелени остров. Что вам сказать! Я тоже с удовольствием проторчала бы на нем в изгнании. Недаром и Ленин сюда со своей Инесской наведывался. У них тут было революционное гнездо. Умели находить места для сходок эти борцы за права пролетариата! Как рассказала гид, именно русские революционеры на острове курили самые дорогие сигары и жили в самой дорогой гостинице.

Мы осмотрели бывшую виллу Горького – сейчас в ней отель, погуляли по острову, причем Машка недовольно пыхтела:

– Ни за что бы здесь не поселилась! Ни одного нормального пляжа! Только скалы! Эти идиоты строят дорогушие виллы, а купаются в бассейнах. Да в бассейне можно и в Мухосранске поплавать!

Словом, мы чудесно провели день. Поужинали в прибрежном ресторане. И поздно вечером осторожно прокрались к себе в номер. У соседей было тихо. Мы только умылись, разделись и легли, как в нашу дверь постучали: слишком робко для нахального Якова. Я посмотрела на мобиль-

ник: 12 часов.

– Маша, вставай! Это к тебе капитан прибыл! Хочет поучить тебя порулить чем-нибудь еще! – не выдержала я.

Машка, чертыхаясь, встала и спросила у двери:

– Кто?

– Девочки, это Эля. Откройте, пожалуйста! – услышали мы тихий голос.

Никакую Элю мы не знали, но Машка все же распахнула дверь.

А следовало бы закрыть ее на пять замков, лечь в кровать и укрыться одеялом с головой. Но правильное решение всегда приходит слишком поздно.

Дорогая пропажа

На пороге стояла девица Якова: я только сейчас поняла, что за два дня знакомства мы так и не удосужились спросить, как ее зовут.

Эля была в сером холщовом платье мешком, скрывавшем под блеклыми розами наличие хоть какой-то фигуры. И со страдальческим выражением на остреньком лице.

– Извините, пожалуйста! Вы не видели Якова? – спросила она, пытаясь заглянуть Машке через плечо.

– Яков, вылезай из-под кровати! За тобой пришли! – командовала Машка. И, увидев перевернутое лицо девицы, сказала:

– Да шучу, шучу! Неужели вы думаете, мы стали бы прятать у себя ваше сокровище! А что случилось?

– Он исчез.

– Ну слава богу! – выдохнула Машка, и я толкнула ее в бок. А потом распахнула дверь и отошла в сторону.

– Проходите, рассказывайте!

Эля начала рассказывать прямо у вешалки.

– Мы позавтракали, он сказал, что ему нужно сходить в город по делу, придет часа через два. И вот... Вы извините, мне просто не к кому больше пойти!

На Элю было жалко смотреть.

– Давай на ты. И садись уже, чего стоишь! – подобрела

Машка. – А что, мобильный не отвечает?

– В том-то и дело! Когда он через три часа не вернулся, я стала ему звонить. Телефон выключен. Я подумала: задержался на переговорах. Он когда с партнерами встречается, мобильник выключает. Знаете, сейчас же такая техника.... Все подслушивает. Потом смотрю: уже четыре часа, а его нет. Оставила ему записку и пошла в город. Думаю, городок маленький, где-нибудь его встречу. Все обошла – не встретила. Даже на пляж городской заходила. Хотя Яков пляжи не любит. Вернулась – никого. Услышала, что вы пришли... Подумала, а вдруг?

– У нас с Яковым «а вдруг» исключено. Раньше он так исчезал?

– Нет, никогда! Он очень обязательный! Если задерживается, всегда звонит! Как вы думаете, с ним что-нибудь случилось?

– Конечно, случилось. Вопрос только: хорошее или плохое. – сказала Машка.

– Какое хорошее?!

– Ну там, напился и валяется пьяный. Хотя нет, эта радость не для него. Или загулял, пошел по девкам. Как думаешь, может?

– Яков? Никогда! – девица аж покраснела от волнения.

– В этом деле никогда не говори никогда. Даже самый последний задохлик однажды может! У нас в дирекции сидел такой тихоня. В очочках, с лысинкой, баб боялся как огня.

Думал, они зарятся на его квартиру. И что? Женится на танцовщице из стрипбара. Сказал, только она понимает его тонкую душу...

– Нет, Яков не такой!

– Тогда дело и вправду плохо. Может, в аварию попал? Или на солнце перегрелся?

– А как узнать? Что мне сейчас делать?

– Надо позвонить в местную больницу и в полицию. Узнать, не было ли несчастных случаев. – сказала я.

– А как туда звонить? – по растерянному виду Эли было видно, что звонить ей еще страшнее, чем оставаться в неизвестности.

– Ладно! – вздохнула Машка. – сейчас халат надену, и позвоним!

Через 15 минут мы уже знали: в местной больнице Якова нет, аварий и ДТП с жертвами в городе не происходило, в море никто не тонул. По крайней мере, никто не всплыл. Полицейский, хохотнув, посоветовал нам подождать до утра.

Я дала Эле валерьянки в таблетках и отправила ее спать.

– Как думаешь, куда он мог деться? – спросила я Машку.

– Ему предложили бесплатно отправиться на Северный полюс. На халяву-то чего не поехать! Или он попал на дегустацию граппы и теперь валяется где-нибудь в обнимку с бочкой, – хмыкнула Машка. – И вообще. Иногда мне самой хотелось его убить!

– Ладно, не каркай! Надеюсь, с ним все в порядке. Такие

зануды живучие.

Невеста-бухгалтер

...Утром мы постучали к Эле в 9 часов утра. Хотели узнать, не пришел ли Яков.

Эля открыла дверь так быстро, будто спала под ней на коврик. И судя по заплаканным красным глазам и еще больше заострившемуся лицу, ее герой так и не вернулся.

– Что мне теперь делать? – трагически восклицала она, когда мы уселись с ней на террасе.

– Надо опять звонить в полицию. Наверное, все же что-то случилось, – вздохнула Машка. – У тебя деньги на жизнь есть?

– Есть. На карточке. Немного. Вы думаете, он не вернется?!

– Не паникуй. Может, все-таки просто где-то выпил, заночевал.

Эля взглянула на нас с таким трагизмом, что Машка тут же быстро спросила:

– А враги у твоего Якова есть? Что-то он подозрительно много знает о финансах разных людей.

В повисшей паузе зависла муха, прилетевшая к нашему столу.

– Да... Есть.... – наконец, опустив глаза, сказала Эля.

– Ясенько. Где деньги, там и враги. И что, прямо вот могли бы убить?!

– Маша! – не выдержала я.

– Да подожди! Надо же разобраться, что Эле делать. Если его похитили – назовем это так, то может, и ей здесь небезопасно? Кому он поперек горла?

– Точно не знаю... У него сейчас большие проблемы. В Неаполе.

– А ты ему кто?

– Я? Бухгалтер.

Мы с Машкой переглянулись.

– В смысле?

– Работаю у Якова бухгалтером.

– Он всегда на отдых с бухгалтером ездит? – не удержалась

Машка.

– Мы не на отдыхе. По работе...

– Ага. Просто платить за второй номер Якова жаба задушила?

– Ну... Мы... Я вообще-то его невеста.

– Невеста? – хмыкнула Машка – А что, такой чудесный мужчина, и не женат?

– Он развелся. Разводится...

– Секундочку! Это тот случай, когда принципиально важно, какого вида глагол: совершенного или несовершенного. Так развелся или только подумывает?

– Яков сказал, что они давно не живут вместе. И он подал документы на развод.

– Понятно. Классика жанра. Жена, небось, и не подозре-

вает, что они вместе не живут и разводятся. Как одинаково мужики врут! А теперь она узнает, что муж пропал из номера, где жил с любовницей. Тебя же во всем и обвинит. Уж ты мне поверь!

– Маша, перестань Элю запугивать! Может, сейчас вот откроется дверь, и...

В этот момент в дверь постучали. Эля встрепелулась, но это оказался парень из отеля, принесший завтрак. На подносе дымилась четыре чашки кофе, и у Эли задрожали губы. Неужели такого, как Яков, можно любить?

Впрочем, как выяснилось, у Эли были и другие причины для переживаний.

– Берите кофе, пейте! Вот ты, Маша, говоришь: иди в полицию. А я боюсь. Яков не хотел бы, чтобы о его делах узнала полиция. Вчера я со страху вас послушала. А ночью подумала: Якову бы полиция не понравилось. Вдруг и меня привлекут?

– За что? Чем он здесь занимался? – быстро, с журналистским интересом спросила Машка, и я попыталась ее остудить:

– Может, нам лучше об этом не знать?

– Да я сама не все знаю, – сказала Эля. – У него здесь было два дела. Одно – с торговцами в Неаполе. Они поставляли одежду итальянских брендов в Россию.

– Из Неаполя? Небось одежда вся левая, а торгует ею мафия? Я читала, здесь это любимый бизнес мафиози.

Эля сморщилась:

– Яков просто помогал партнеру проводить платежи. Через посредническую фирму. Ну, все так делают. А потом деньги пропали. Русские говорят, что деньги за товар перевели. Итальянцы говорят, что не получили. А глава компании-посредника не отвечает.

– Да-а. Хреново. За такое могут и...

– Маша! – дернула я подругу.

Но Эля продолжила с застывшим лицом:

– Я как раз должна была с ним в Неаполь ехать, платежи смотреть. Но если там появится полиция... Нет, Якову это не понравится. И тем ребятам тоже.

А второе дело странное. Я ничего не поняла. Полгода назад его партнер – который с Неаполем ведет дела – попросил поискать тут в Позитано какой-то старый архив. С рисунками чьими-то, что ли. Каким-то важным письмом. Не знаю. И Яков сюда несколько раз прилетал, с кем-то встречался. А недели две назад такой взбудораженный пришел:

– Все, говорит, будет Красовскому к юбилею сюрприз.

Потом занервничал, говорит: хотят слишком большой аванс.

И мы сюда полетели.

– А кто этот Красовский? – спросила Машка.

– Яков вам про него говорил. Такой, почти олигарх. Очень богатый. У него здесь вилла, сорок восемь миллионов евро стоит. И через неделю этому Игорю будет пятьдесят лет. Он

целый остров для банкета снимает. Там такая программа! Яков ему еще полгода назад помогал талантливых танцоров из Мариинки выискивать.

– Он у тебя еще и шоумен? – спросила Машка.

– Просто у него везде знакомые.

– Нашел? – спросила Машка.

– Архив?

– Нет, танцорок?

– Нашел. У них сейчас здесь репетиции идут.

– Эля, извини, но ты просто дура. Пошел твой Яков к Кра-совскому. Порепетировал с певичками и танцорками. И с ними заночевал. А ты здесь развела сопли!

– Вы не понимаете. Он бы так не сделал! И обязательно позвонил!

Мы с Машкой переглянулись. Бывают же на свете блаженные идиотки.

– Короче, – сказала Машка. – Если твой ненаглядный к вечеру не объявится, давай отсюда сваливай. Покупай билет и улетай в Москву. Пусть с Яковым его недо-супруга разбирается. Не нравится мне история про пропавшие деньги.

– Что ты ей советуешь! – вмешалась я. – А вдруг Якова и правда... того... Она сбежит, то, что она тут жила, все равно узнают. И решат, что она виновата. Я бы дала Якову шанс до завтрашнего утра. Не придет – деваться некуда. Надо заявлять в полицию.

– Слушай, Эля, а паспорт Якова на месте? Ты проверила?

Или он его с собой носил? – перебила меня Машка.

– Не знаю. По-моему, с собой. И мой тоже. Сейчас посмотрю...

Эля открыла шкаф с допотопным сейфом, набрала несколько цифр...

Нехорошее предчувствие шелохнулось у меня в районе желудка. Этот орган всегда точно предсказывал приближение трындеца.

Месяцем раньше

...Вообще-то мы попали в эту поездку случайно. Машкина газета готовила рекламную полосу про турагентства. И заказчики остались так довольны Машкиными пиар-статьями, что предложили отдых в Амальфи за полцены. На двоих.

Когда у Машки появляется что-нибудь на двоих, она не раздумывает, где взять пару. На мужиков ни ей, ни мне надеяться тут не приходится. 35 лет – возраст в России критический. Особенно для умных и красивых. Ровесники еще не развелись и только готовятся к новому броску на подростковую молодую смену. Мужики постарше наелись общения с эмансипированными женами и теперь ищут тех, кто будет смотреть им в рот (а на самом деле – в кошелек) – девчонок, что годятся им в дочери, а то и во внучки.

Правда, мы не теряем надежды. Поэтому я пребываю в пассивном поиске – жду, когда умный обаятельный незнакомец свалится на меня откуда-нибудь из космоса. Больше ему взяться неоткуда.

А термоядерная Машка находится в активном перебирании вариантов. Последний вариант только что был торжественно забанен прямо по физиономии: у него обнаружилась не только жена, но и еще одна любовница.

При полной разнице подходов результат был один.

– Итальянцы! – закатывала глаза Машка. – Вот наша на-

дежда! Они последние сексуально активные европейцы. И женятся поздно. То есть прикинь: есть шанс встретить неокольцованного 40-летнего половозрелого мужчину. И попытаться отбить его у итальянской мамочки! Самое главное, Ленка! Их даже не испугает наш ум! Они не говорят по-русски, мы – по-итальянски. Полная гармония! А что, я знаю примеры!

Примером была бывшая Машкина одноклассница, ныне кандидат философских наук. В России такое звание для желающей выйти замуж – проклятое клеймо. А если к этому добавляется бешеное увлечение профессией...

Несмотря на выдающуюся женскую красоту кандидатши мужики сбегали от нее после первого же свидания, а иногда и перед ним.

Машка уж ее уговаривала: «Встретила перспективного кандидата – молчи! Смейся идиотским смехом! Поддакивай! Скрывай свой философский дефект! Ни один мужик не любит, чтобы баба была умнее его!»

Но чуть отойдет, возвращается, а та уже:

– Как? Вы не читали Кьеркегора?

И все. Только что был мужчина, а теперь только сквозняк от него в пространстве.

От горя кандидатша поехала в тур по Италии. И – не вернулась.

В каком-то городке местный мачо, подсев к ней в ресторане, решил, что Кьеркегор – это название коньяка. И на ней

женился.

Машка мечтала повторить эту судьбу.

– А после свадьбы ты что с таким мужем будешь делать? Варить бесконечную пасту? – спрашивала я.

– Давай решать проблемы по мере поступления. Сначала найдем мужиков. Потом будем мучиться, что с ними делать!

И мы поехали.

Пока из мужиков около нас вился только этот странный Яков. Ну теперь появился еще Машкин капитан.

Остальные уличные приставалы очень смахивали на классических жиголо. Содержать бедных итальянских бездельников в наши планы не входило.

Впрочем, что бы мы ни планировали, этому не суждено было сбыться.

Я поняла это, как только Эля раскрыла дверцу сейфа.

Беспризорные деньги

– Что там? – спросила Машка.

– Паспортов нет. Ни моего, ни Якова. А это что?

Эля с таким недоумением уставилась на вынутую толстенную пачку евро, будто была не бухгалтером, а африканским аборигеном. Просунула руку поглубже – там лежало еще три. Навскидку – тысяч так сорок.

– Ни фиги себе! – присвистнула Машка. – Вы что, идиоты – класть такие деньги в отельный сейф?

– Я вообще про них ничего не знала.

– Ты же вела дела. Яков что, выводил денежки не через тебя?

– Не знаю. Тут еще что-то...

Эля заторможенно вытащила с самого дна прозрачный файл. В файле лежала старая салфетка. На салфетке быстрыми росчерками был нарисован профиль девушки. Чем-то рисунок показался мне знакомым.

– Кто это? – строго спросила Машка.

Но Эля уже ревела: тихо глотала слезы и давилась всхлипами. Она привыкла быть невидимкой, а невидимки не плачут.

– Перестань реветь. Если ты и вдова, то по крайней мере богатая.

Тут Эля уже не смогла сдержаться и коротко взрыднула.

Первый раз в жизни я видела бухгалтера, рыдающего над пачками найденных денег.

Я скорчила Машке гримасу, но она истолковала ее неправильно:

– А, там же есть еще одна вдова. Но, заметьте, про наличку она ничего не знает. Так что это твоя законная моральная компенсация.

– Маша! Не известно, откуда эти деньги и чьи они. Может, мафии. И вообще! Вдруг Яков сейчас вернется? А то будет, как в фильме «Не может быть». Мужа вызвали как свидетеля, а жена решила, что посадили, за полдня все продала и замуж вышла. Сбавь обороты.

– Куда я улечу без паспорта. – сказала Эля сквозь слезы.

И пока это было самое разумное замечание.

– Надо позвонить Красовскому. Спросить, нет ли у него Якова. Куда он вообще мог подеваться. – сказала Машка. – У тебя есть его телефон?

– Только секретарши и бухгалтера.

– Звони обоим.

Ни секретарша, ни бухгалтер не ответили.

– Сегодня же воскресенье! – будто извинилась за них Эля.

– Где он живет, тоже не знаешь?

– Знаю. В Позитано. Мы как-то подъезжали к его вилле.

Но я внутрь не заходила. Яков сказал ждать в машине.

– Понятно. Тебе надо к нему съездить.

– А вдруг это он Якова... того? – спросила я.

– Нет, не может быть! – замотала головой Эля. – Такой культурный человек. Они же партнеры.

Я говорю – малахольная.

– Наверное, Маша, ты права. – продолжила Эля. – Надо ехать к Красовскому. Больше я здесь никого не знаю.

Я облегченно выдохнула. У меня давно зрело желание сгрузить Элю с ее проблемами на кого-то еще. Да и пачки денег внушали смутное беспокойство. В кино обычно вслед за кучей бабла появляются вооруженные гангстеры.

– Вот и чудненько! – сказала я, поднимаясь. – Маша, пошли, нам еще надо на экскурсию записаться.

И тут Эля схватила Машку за руку.

– Девочки! Вы же меня не бросите? – сказала она, заглядывая ей в глаза.

Вот как, как все сразу понимают, кто в нашей паре принимает решения?!

Игорь дома?

– Говори! – кивнула Машка Эле и нажала металлическую кнопку переговорного устройства.

Мы стояли у ворот виллы на самом верху вскарабкавшегося на отвесную гору разноцветного, как россыпь леденцов, Позитано. Отсюда открывался чудесный вид на залив с разбросанными по нему островами и соринками катеров. Но меня уже ничего не радовало.

20 минут мы спорили в отеле, куда девать обнаруженные Элей в сейфе деньги. Машка мечтала их перепрятать в номере, я предлагала сдать на хранение в банк, пока хозяйка сейфа не сказала рассеянно:

– Девочки, давайте их оставим, где были. От греха.

Потом Машка уговаривала Элю снять свой жуткий мешок и надеть к олигарху что-нибудь поприличнее.

Из приличного Эля согласилась только на дорогие солнечные очки, чтобы спрятать заплаканные глаза.

Потом мы сорок минут по жаре тащились на пароме от Амальфи до Позитано. Еще полчаса блуждали по отвесным улочкам, пока Эля искала виллу по знакомым с киноклассики ориентирам: «Там еще фонтан был. И дерево».

Машка перебирала длинными ногами, как старый боевой конь. Когда-то в своей газете она была лучшим расследователем. Но после одного громкого дела (о, когда-нибудь я о

нем расскажу!) приняла решение с опасной и нынче никому не нужной профессией завязать. Ушла на тихое, как она думала, и хлебное место в пиар-службу. Но как только хоть где-нибудь намечалась какая-то криминальная тайна или скандал – немедленно вспоминала былое и бросалась на них со всей неутоленной жадой к восстановлению справедливости.

Самое удивительное – криминальные тайны тоже по ней скучали и подстерегали в неожиданных местах.

Словом, ничего хорошего от визита к Красовскому я не ждала.

– Ну? – толкнула Машка нашу соседку, услышав в домофоне характерный шум.

– А Игорь дома? – запинаясь, спросила Эля, будто собиралась позвать олигарха поиграть во дворе.

– Представьтесь, – ответил ей мужской голос по-русски. – Кто вы?

– Я... Это... Я... бухгалтер Якова Абрамовича, – сказала Эля, скосив на Машку глаза. Я отметила про себя, что представиться невестой она не решилась.

В устройстве что-то зашуршало, и через несколько минут тяжелые ворота бесшумно поехали в стороны. Игорь был дома.

Русский накачанный парень с цепким взглядом в дикова-то сидящем на нем светлом костюме ждал нас у будки, похожей на приграничное КПП. Он кивком позвал нас за собой.

Вертеть головой по сторонам было неудобно. Но как не вертеть, если ты шагаешь по изумительно-ровной аллее из карликовых пальм, по бокам затаил дыхание сказочный сад с апельсиновыми деревьями, под которыми переплетаются узоры из ярких цветов. Справа тебе улыбается всеми балконами песочно-желтый домик, а слева – хмурит брови старинная каменная башня, которую превратили в дорогое антуражное жильё.

Вдалеке белела сама вилла – она как огромное ласточкино гнездо висела, прилепившись к скале всеми своими тремя этажами.

У входа мужик в светлом передал нас мужику в темном, быстрым шагом мы миновали просторный холл со стеклянными полками вдоль стен: в них танцевали фарфоровые человечки. И вышли на огромную террасу, углом огибающую виллу.

Вот где было настоящее великолепие. Внизу синело море. На белом парапете стояли вазоны с ярко-красными цветами, а на терракотовом мозаичном полу – пузатые древние амфоры с торчащими из них букетами пионов. Голубые мягчайшие диваны у стен, мраморные колонны, увитые зеленью. Среди этого пира для глаз мы не сразу увидели его. Зато, увидев, Машка сразу же сделала стойку. Там, за длинным столом у самой стены сидел загорелый до бронзовости красавец лет 45 в белой тенниске. Его каштановые волосы с легкой сединой были стянуты сзади в богемный хвост. Он се-

кунду смотрел на нас яркими голубыми глазами, слишком живыми на античной лепке лице. Потом поднялся – высокий, поджарый, в смешных шортах с акулами – и, как все мужики, уставился на Машку. Эля его тут же поправила:

– Бухгалтер Якова – это я.

– Отлично, – улыбнулся олигарх так светло, будто поджигал нас с утра. И, дав нам угнездиться на неудобных жердочках стульев – венце современного дизайнера, – вдруг ласково спросил у Эли:

– Ну и где он?

Приглашение на ужин

Эля судорожно сглотнула.

– Так он не у вас?

– Нет, дорогая, не у меня. Я думал, вы его мне принесли.

– Кого?! Якова?!

– Почему Якова? Архив. Яков сказал, что его нашел. Я передал ему денег...

– Сколько? – быстро спросила Машка. – 40 тысяч?

Я тоже подумала: теперь хотя бы понятно, откуда взялись пачки евро в сейфе.

Красовский посмотрел на нее с веселым удивлением.

– Маша, извините, не уверен, что могу об этом говорить.

Но – побольше. А в чем дело, девушки? Куда вы дели Якова? Я его со вчерашнего дня жду. Телефон не отвечает.

– Вот! – сказала Эля. – Яков исчез. Ушел из отеля и не вернулся.

– Когда? – напрягся Игорь.

– Вчера утром. И с тех пор не звонил.

– Нехорошо. В полицию обращались?

– Только чтобы узнать, не было ли несчастных случаев.

Их не было! – вмешалась Машка. – А сами вы когда его в последний раз видели?

– Месяц назад.

– Как же вы деньги ему передали?

– Маша, сейчас есть такая удивительная штука – интернет-банкинг.

– И такая прекрасная штука, как контроль за движением средств, – не удержалась Машка.

– Нам бояться нечего. У нас все законно. Правда, Эля? Яков, кстати, не говорил, куда пойдет, с кем встретится?

– Нет. – ответила Эля.

– А портфель? Такой старый рыжий портфель был с ним?

– Не помню. В номере его нет.

С каждым ответом Эли лучезарное настроение Игоря гасло, как закатное солнце.

– Не вовремя. Черт, как не во время! – покачал он головой.

Как будто Яков мог бы постараться и пропасть в более подходящее время.

Вдруг я затылком почувствовала чей-то взгляд. Быстро оглянулась.

Кто-то смотрел на нас из гостиной, почти приплюснув лицо к стеклу. Встретившись со мной глазами, пятно лица дернулось и мгновенно исчезло. Наблюдатель явно не хотел быть замеченным.

В спину дохнуло противным холодком.

– Как думаете, что могло с ним случиться? – строго спросила Игоря Машка.

– Пока не знаю.

– Но у вас же были общие дела!

– Маша, мне кажется, вы меня в чем-то подозреваете, – улыбнулся Красовский.

– Вы очень подозрительный тип! – парировала Машка с привычным кокетством.

Про себя я подумала, что такое богатство – само по себе обвинительный приговор. Но благоразумно промолчала. А Машка шла напролом:

– У вас были проблемы в Неаполе. Могла его убрать та-мошняя мафия?

– Прямо вот убрать? Маша! Не смотрите столько сериалов. А кстати, деточка, вы проверили платежи? – заботливо, как у больной, спросил Игорь у Эли.

– Не успели. Мы хотели сегодня...

Глаза Эли были спрятаны под очками, но по дрогнувшему голосу я поняла, что она опять готова взрыднуть.

Игорь тоже это понял и накрыл ее руку ладонью.

– Спокойно. Разберемся! Сделаю пару звонков. Вы тут пока глотните чего-нибудь холодненького.

Игорь только зашел в гостиную, а официант уже устремился к нам с полным подносом.

– Вот это мужик! – сказала Машка, потягивая просекко. – Богатый, красивый – видела, какие мускулы? С чувством юмора. Губы только мне его не нравятся.

– Что с ними не так? – удивилась я, наслаждаясь льдистым аперо-лем.

– Бабские. Тонкие слишком и бантиком. Характер может

быть говнистым.

Машка мгновенно сканировала каждого мужика, которого заносило в ее поле зрения. Ставила стопроцентно верный диагноз. А потом влюблялась в самого большого лгуна и изменщика. Такая у нее карма.

Похоже, нарисовался новый кандидат.

Эля в нашем обсуждении внешности Красовского участия не принимала. Она следила за тем, как он нервно мерит периметр гостиной, разговаривая с кем-то по мобильнику. Двигался он грациозно и красиво, как леопард в клетке. И я подумала: как нерациональна природа, отмеряющая одним – все, а другим (тут я вспомнила своего последнего ухаже-ра – лысого, толстого, вечно перехватывающего пятерку до зарплаты невропатолога из больнички) – ничего.

– Пока глухо, – сказал он, вернувшись к столу и обращаясь почему-то к Машке. – Но мы над этим работаем. У меня предложение – а что если вам, девочки, остаться у меня на ужин? Подойдут интересные люди, поболтаем. В том числе и по нашему делу, – кивнул он Эле.

Я посмотрела на Машку и поняла, что она готова тут ужинать каждый день.

Действительно, это был тот случай, когда чужое богатство не давит, а возвышает.

Вилла была светло-радостной, Игорь – милый и свой, будто мы знакомы всю жизнь. Обаяние ли хозяина передалось дому или дом добавил владельцу золотого сияния? Но когда

мы с ним сидели на веранде, казалось, будто рядом мурлычат сто котов.

– Как вы на это смотрите? – обратился Красовский теперь уже ко мне, чтобы никого не обделить драгоценным вниманием. На секунду я встретилась с ним взглядом. И тут же ухнула в обволакивающую голубизну его глаз.

Он смотрел так, будто вот в эту самую секунду радостно открывал, какая ты необыкновенная. И я даже чертыхнулась про себя: вот же проклятый дар!

Один раз я столкнулась с мужиком похожего обаяния. И потом года два восстанавливала крылья, обуглившиеся до черноты при приближении к этому солнцу.

Но Машка была неутомимая бабочка-Икар.

– На ужин? Сейчас же только обед? – спросила она с игривой хрипотцой.

– Комплексный обед входит в программу. А потом можете позагорать – у меня тут свой пляж. Я попрошу – вам все покажут.

– Нет, это не интересно. Показывать должен хозяин! – нахально сказала Машка.

И Красовский вдруг согласился:

– Отличная мысль!

В этот момент в двери показался парень в черном, похожий на киношного гангстера. Он нес на серебряном подносе трезвонящий телефон.

– Приходится соответствовать высокому званию русского

олигарха! – сказал Игорь, услышав мой смешок. И ушел с телефоном в гостиную.

Машка тут же возбужденно затарахтела:

– Слышала? Он сказал – мой дом, мой пляж. Может, он разведен?

– Маша, у таких мужиков все мое. Включая жену. Так что сильно не надейся.

– Ну ладно. Этот тот редкий случай, когда я готова побыть в любовницах. Какое-то время. Не ездит же он в такое чудесное место со своим самоваром?

Выход самовара из-за печки

Но тут из-за угла террасы вышла дама и застыла при виде нас в картинной позе.

Высокая, налитая такой сочной полнотой, про обладательницу которой говорят: «женщина в теле.» Впрочем, насколько она в теле, скрывало балахонистое цветастое платье, каждая экзотическая птица на котором стоила как настоящий попугай. Дорогое было платье. И женщина дорогая. Это было видно сразу – по осанке императрицы, по вздернутому подбородку, красивому ухоженному лицу Анжелики – маркизы ангелов из старого фильма. Как будто Анжелика все же вышла замуж за короля и лет 10 томилась в замке.

– Вы кто? – спросила дама без прелюдий. И я поняла, что Машка со своими надеждами пролетела. Это был тот самый самовар.

– Мы по делу к Игорю Красовскому, – сказала Машка. И я услышала в ее голосе легкий вызов. Дама, похоже, тоже его услышала. Она усмехнулась, подошла поближе, глянула на Элю в ее платье-мешке и спросила:

– По поводу уборки? Сколько вы берете в час?

– Мы по вопросам бизнеса. А вы здесь отвечаете за клининг? – нанесла ответный удар Машка.

Неловкую паузу прервал Игорь.

– Я вас познакомлю! – выскочил он из двери. – Моя жена,

Марина! А это Эля – бухгалтер Якова, помнишь, он к нам приходил? Ее подруги – Маша и Лена.

– Ее подруги? – насмешливо переспросила жена, сделав ударение на «ее».

Я поняла, что не все ладно в этом королевстве. В первую очередь с мужской верностью.

– Ладно, развлекайтесь! – сказала Марина и царственно поплыла в гостиную, оставляя за собой шлейф какого-то неясного запаха. Только когда за ней закрылась дверь, я поняла, что это был запах виски.

– Марина – чудесная женщина, просто сегодня у нее мигрень! – привычно извинился Игорь. – Я думаю, вы потом подружитесь!

«Ну это вряд ли, – подумала я. – Не видела я еще жену, которая бы дружила с Машкой.»

– По Якову мои люди сейчас работают! – пояснил Красовский Эле. И больше во время экскурсии на нас с ней не отвлекался.

– Видите? – показал он Машке рукой на безбрежную морскую синь внизу. – Вон тот маленький островок? На самом деле их там три. Архипелаг Ли Галли. Я купил этот дом из-за него. Отсюда его отлично видно.

– А что в нем такого?

– Когда-то архипелаг назывался Ле Сиренузе – остров Сирен. Он был описан еще Гомером. Помните, сирены завлекали корабли, а Одиссей велел своим спутникам привязать

себя к мачте и залить уши воском. Он сумел пройти мимо, а сирены от горя бросились со скал и превратились в камни. Так вот, это они и есть.

– Ни фиги себе! – присвистнула Машка. – Я этих сирен на зачете по мифам Древней Греции сдавала. Вот уж не думала, что увижу их остров живьем. Вам-то чем эти скалы дороги? Тоже сирены обольщали?

– Видите ли, Маша... У острова есть и современная история. Связанная с Россией. Местные называют его островом Нуреева. Этот великолепный танцовщик действительно им владел, а после его смерти родные продали остров одному итальянцу, который превратил его в супердорогой отель. Но первым освоил его совсем не Нуреев. Знаете такого великого хореографа и танцора Мясина? – спросил Игорь.

И хотя спрашивал он не у нас с Элей, я не выдержала:

– Он в балетах у Дягилева танцевал. Я недавно видела про него передачу!

– Да, именно так. Но прославился он не только как солист Дягилева. Он поставил много своих балетов, которые и сделали его известным. В России их, увы, так и не увидели. Он же был эмигрант, враг народа. Здесь, в Позитано жил его друг Михаил Семенов. Удивительная личность – жаль, о нем мало знают в России. Авантюрист, донжуан, талантливый продюсер, бизнесмен. Он, бастард, выдавал себя за своего богатого и родовитого троюродного брата. Собирал деньги на издание газеты для большевиков. Был знаком с Ле-

ниным. Вхож в дом Достоевского. Женился на богатейшей аристократке и тут же сбежал от нее за границу. Был другом Пикассо, Кокто, Стравинского, Дягилева. Первым организовал в Италии рыболовецкий флот. Он и превратил Позитано из бедной рыбацкой деревушки в туристический город. Купил здесь старую мельницу. Перестроил ее в виллу. И к нему приезжали знаменитости со всей Европы. Вы не представляете, что они здесь творили!

– Оргии? – жадно спросила Машка. – Они же все были голубые!

– Ну, Маша, зачем так. Не все. Например, именно у Семенова Пикассо познакомился с балериной Ольгой Хохловой. Своей будущей русской женой. Хотя лучше бы не знакомился. Вот обвела мужика! Она была дочерью царского полковника. Сказала влюбленному в нее Пикассо, что в России без венчания – ни-ни. И тот поверил. Даже венчался в православном храме, хотя был католиком. А в благодарность она вынесла ему мозг. Ревновала как безумная. Устраивала сцены. Не давала развод. Так он и не смог от нее избавиться до конца жизни. Бедолага.

Мне показалось, в этой фразе прозвучало что-то глубоко личное.

– Пикассо ваш тоже был хорош! Он изменил ей чуть не сразу после свадьбы. И потом уже только успевал менять баб. Тут любая с ума сойдет! – сказала Машка.

– Как по-разному смотрят мужчины и женщины на одни

и те же истории! – хмыкнул Красовский.

– Потому что мужики влипают в истории, а бабы их расхлебывают! – Машка отвернулась к морю, взгляделась в черную точку далекой скалы. – Только Мясин-то с островом тут при чем?

– Мясин сначала приезжал в Позитано с Дягилевым – вы же знаете, что они были любовниками? Когда от Дягилева сбежал Нижинский и тайно женился, Дягилев нашел ему в Москве замену – молоденького Мясина. И быстро сделал из него звезду первой величины. Но Мясин потом тоже от него сбежал и тоже женился. Он не был гомосексуалистом по убеждению... Ничего, что я затронул эту тему?

– Мы к геям толерантны, – сказала Машка.

– Так вот, из-за этого острова Мясин с Дягилевым и рассорился. Мясин захотел остров купить, а Дягилев считал это дурацкой затеей. Как, кстати, и местные жители. Они называли Мясина сумасшедшим русским, и даже в донесениях полиции написано, что цель покупки русским голых скал без жилья и растительности неизвестна. А он хотел построить там театр танца. Чтобы давать представления, репетировать, заниматься искусством.

– Ну да, где еще им заниматься, как не на голых скалах... И что, построил?

– Дом построил. Театр не успел.

– Не понимаю. А вы какое отношение к этому имеете?

– Семейная тайна! – улыбнулся Красовский.

– Обожаю семейные тайны! Ну? Выбалтывайте ее скорее!

Красовский, рассмеявшись, как мальчишка, упрямо замотал головой. И я поняла, что с ним давно не разговаривали так запросто. Машка всегда была гением коммуникации.

– Лучше я покажу вам дом.

Через несколько минут мы уже осмотрели огромную билярдную – стол почему-то был обтянут не зеленым, а красным сукном. Увидели столовую, оформленную под старинный рыцарский зал – с кирпичными полукруглыми сводами и доспехами на стенах, роскошную гостиную с панорамными окнами до пола, мягкими диванами и огромным экраном телевизора.

– Это каррарский мрамор, это древняя мозаика из Китая, это картина работы Гончаровой, а этот каминный зал полностью перевезен из итальянского палаццо 18 века. – перечислял Игорь встречающиеся нам на пути достопримечательности. Было видно, что он гордится домом так, будто сам его построил и обставил, хотя было ясно, какая прорва дизайнеров тут убивалась. Девятьсот квадратных метров элегантной роскоши – это производило впечатление.

– В спальню уже их водил? – неожиданно вынырнула с нижнего этажа Марина. В руках у нее тарасился на нас крошечный белый пудель, похожий на игрушку: резинка, стягивающая его локоны на макушке, была завязана слишком туго, и от этого собачка немного косила.

Судя по усилившемуся запаху виски, мигрень у Марины

прогрессировала.

– Дорогая, приляг, отдохни! – мягко сказал Игорь, пытаешься ее обойти. Но Марина заткнула собой лестничный проход, как пробкой:

– Ты баб уже сюда толпами таскаешь?

– Мари-на! Не надо!

– Что не надо? Может, я хочу познакомиться с твоими подругами! С которой ты начнешь? С этой? – кивнула она на Машку. Мне показалось – она сейчас вцепится ей в волосы.

– Позвать Костю? – тихо спросил Игорь.

И Марина вдруг сдулась, как лопнувший шарик, плечи опустились, царственная голова вжалась в плечи, глаза беспокойно забегали. Не говоря ни слова, она отошла от лестницы и скрылась за одной из дверей.

– Прошу простить, – сказал Игорь. – У Марины сейчас проблемы... Она нервничает. Вот и перебирает иногда немного. Не обращайтесь внимания.

Сам он, судя по всему, на Марину внимания давно уже не обращал. И как ни в чем ни бывало продолжил экскурсию.

– Хочу показать вам пляж. У вас есть купальники?

– Конечно! – сказала Машка.

Фанатка плавания, она брала купальник даже когда шла в магазин за фруктами. А вдруг?

– Твой я тоже взяла! – сказала она мне.

Эля покачала головой. Ей явно было не до морских процедур.

– Там пляж частный, закрытый. Можете смело отбросить стыд. Я только попрошу, чтобы принесли туда закусок. Не дай бог вы у меня до ужина с голоду помрете. А я с вашего позволения еще поработаю.

Нет тела – нет дела

...Через час мы с Машкой, наплававшись в прозрачной воде крошечной бухточки, напоминающей подкову для пони, и наевшись всяких креветок, октопусов и сыров, валялись на лежаках, грызли персики и слушали, как над нами оглушительно трещат цикады.

Машка не могла успокоиться после встречи с мадам Красовской.

– Вот не понимаю, как мужики могут жить с пьющими бабами. Ведь сразу видно – она алкоголичка. А женский алкоголизм не вылечивается! Ну, сплавил бы ее куда-нибудь в лечебницу. Ее же нельзя к людям выпускать!

– Видишь ли Маша, – сказала я. – Из-за него она, скорее всего, и пьет.

– Тут ты права, – вздохнула Машка. – На дне стакана любой пьющей женщины всегда плещется мужская подлость. Кстати, хорошая фраза, надо куда-нибудь в женский журнал пристроить.

– Эля, а ты что думаешь? – спросила я.

Эля сидела в тени пиний и меланхолично бросала в воду камешки. Они никак не хотели лететь над поверхностью легкими блинами, а с тяжелым хлопом скрывались под водой.

До купанья мы уже обсудили наше положение. И пришли к выводу, что сейчас нам всем лучше расслабиться. Игорь

взял все хлопоты по поиску Якова на себя. Он еще раз позвонил в больницы и морг, узнал, были ли ДТП или несчастные случаи. Нигде следов Якова не обнаружилось. Оставалось только ждать результатов его негласного расследования.

Но нам хорошо было говорить. А Эля бесконечно прокручивала в голове варианты исчезновения жениха. И с каждым разом картины становились все страшнее.

– Может, Якова похитили, и они сейчас звонят в номер, чтобы назвать условия. А мы здесь? – невпопад ответила Эля.

– Преступники не станут звонить в отель. Там их могут услышать через коммутатор. Мобильник же у тебя с собой? Ну и не дергайся. А что за архив искал Яков для Игоря? – спросила Машка. – Может, в нем дело?

– Не думаю. Там какая-то запутанная семейная история.

– О, иногда семейные истории так выстреливают! Вот недавно у моей приятельницы-риэлтора было дело. Ее клиентка решила купить одну квартиру. Ну, Светка стала проверять ее чистоту: нет ли обременения в виде несовершеннолетних или алкоголиков. Подняла документы в загсе: там значится, что у владелицы было двое детей. Мальчик и девочка. С девочкой все в порядке – она прописана в другой квартире. А мальчик исчез. Вот документ, что он родился. А дальше – тишина. Не учился, не лечился. Как волной слизало. Риэлторша к мамаше. Та в отказ. Знать не знаю никакого мальчика. Не хотите квартиру покупать – не надо.

Тут уже я возбудилась – ты, Ленка, меня знаешь. Две недели копала. И нашла! Оказывается, мальчик родился больной. ДЦП. А мамашка как раз снова замуж собралась. И новый муж был свернут на здоровом потомстве. Пунктик такой у него. Тогда эта дамочка сдала сына в интернат где-то под Тулой.

И новому мужу про него ничего не сказала. А там с пацаном что-то случилось – заболел, что ли. Они ей написали. Она письмо получила и, видно, перестремалась, что муж узнает. Поехала в интернат разбираться. Говорят, сильно там скандалила, чтобы не вздумали ее тревожить. А потом произошло странное. Через несколько дней после ее отъезда мальчишка пропал. Три недели его по лесам искали – ничего.

А только мне один санитар по секрету рассказал, что видел, как мать охраннику перед отъездом денег давала. И именно этот охранник в тот день шел куда-то с мальчишкой.

– И что? – пискнула Эля.

– Грохнули они его, вот что. Мамашка и заказала. А всего-то – предпродажная подготовка квартиры...

– Ты мне не рассказывала эту историю! – возмутилась я. – В полицию заявила?

– Со знакомым полицейским посоветовалась. Глушняк. Ничего не докажешь. Нет тела – нет дела.

Эля застыла с поднятой рукой, из которой вывалился очередной камень.

– Да не переживай! Твой-то взрослый мужик. Найдется! – спохватилась Машка. – Иди вон лучше поплавай. Хочешь, я дам тебе свой купальник?

Солнце нещадно жарило даже сквозь игольчатую тень пиний. И Эля не выдержала.

У нее оказалась чудесная фигурка: тонкая талия, красивой формы яблочные груди. Зря она прятала такое богатство под мешком.

Эля подошла к маленькому причалу для лодок, и держась за него, стала осторожно заходить в воду.

В темноте под причалом вода застоялась и к сваям прибились веточки, листья, пожелтевшие иголки пиний.

Тут в бухту нахлынула высокая сильная волна – наверное, где-то далеко прошло большое судно, и это был его разошедшийся по заливу след. Волна ударила в пирс, выбросив оттуда мусор прямо Эле в живот. Сверху плавал какой-то резиновый шлепанец.

Вдруг Эля его схватила и вскрикнула.

– Что там? – лениво спросила Машка, не поднимая с лежака головы.

– Я... не знаю... По-моему... По-моему...

Ну, что? – Машка села.

– По-моему, это шлепанец Якова, – сказала Эля. И сама обмерла от своих слов.

В этот момент со скалы над нами скатился камешек, и я услышала топот чьих-то ног.

Пляж был не такой закрытый, как обещал нам Игорь.

Опознание

– Ты уверена? – спросила Машка, когда мы втроем разглядывали синий шлепанец, чуть надорванный у наружного края.

– Да... Не знаю. У Якова был точно такой.

– Здесь у половины мужиков – точно такой. Они в каждом ларьке продаются, – сказала Машка.

– Но видишь – у Якова он был так же порван! В том же самом месте. Он еще хотел заклеить.

– Может, у них у всех одинаковый дефект, – вмешалась я. – У меня тоже похожие шлепки сразу порвались. С ума не сходи.

– Поищем хозяина, – сказала Машка.

– Не выдумывай. Его могло сюда черт знает откуда прибить. Хоть с Капри. Я когда в Приморье отдыхала, там все острова были усеяны тапками и бутылками из Японии!

– Этот тапок недавно плавает. Видишь, цвет не потерял. Давай спрячем его пока. Вдруг как вещдок пригодится.

Я поняла, что Машка начала свою любимую игру в детектива. И еле сдерживала смех, когда она заваливала шлепанец грудой камней. Это мне напомнило наше детство.

В школе Маша взалхлеб читала книжки про великих сыщиков и мечтала повторить их подвиги. Она придумала историю про японских шпионов: якобы она нашла тайник, в ко-

торый они кладут свои донесения. Вела меня к гаражам, по дороге показывая то на одного мужика, то на другого – вот, вот этот за мной уже третий день следит! Мужики и правда смотрели на нас пристально. Доставала из-под заржавленного угла гаража листочек с японскими иероглифами. А затем с криком:

– Нас засекли! – срывалась с места.

Когда она предупредила меня, что на ночь надо поплотнее закрывать окна – по ее сведениям шпионы решили сегодня ночью нас ликвидировать (а мы жили на первом этаже), я перетрусилась:

– Как хочешь, я все скажу маме!

После получаса уговоров, увидев, что меня не сломить, Машка сдалась.

Так я узнала, что японские послания она копировала с найденного на съемной даче русско-японского словаря. «Преследователей» выбирала из случайных прохожих, которых незаметно дергала за одежду или корчила им рожу. А тайники делала перед школой, чтобы после уроков насладиться моим страхом.

– Ты что, всерьез думаешь, Красовский заманил Якова на виллу, и ...хм... утопил? – спросила я Машку. Как-то эта картина не вязалась с тонким любителем искусств.

Машка пожала плечами: Игорь ей явно нравился. Но истина дороже. В конце концов, при таком обилии прислуги ему совершенно незачем было трудиться самому.

– Ты как думаешь, мог твой Яков Красовского на деньги кинуть? В бизнесе законы суровые, – обратилась она к Эле.

– Он не мог.

– Не спеши. Отвечай как бухгалтер, а не как... гм... невеста. Не мог технически, или это твое оценочное суждение? Возможность у него такая была?

– Теоретически... Там сложная схема. Всегда, когда схема сложная, есть разные варианты. Но Яков бы не стал. Всем и так было выгодно. Зачем рисковать?

– Да твой Яков за несколько лишних евро два часа на автобусе трясся! А уж за сотню тысяч евро он бы любого... – сказала Машка и осеклась. Поднялась с лежака:

– Что-то расхотелось купаться. Пойдем, потрясем Красовского.

И, наблюдая, как Эля опять натягивает на себя уродливое платье, не выдержала:

– Это Яков тебе одежду выбирает? Где ты вообще его откопала?

Эля на минуту затормозила нырять в мешок головой.

– В мужском туалете, – сказала она.

Два года назад.

Спаситель из сортира

... Эля стояла с огромной сумкой в аэропорту Шереметьево. И хотела сдохнуть. Все эти люди, которые толкались у стоек, тянули головы к информационным табло, нервно, как скакуны перед стартом, переступали ногами в очередях на досмотр, летели куда-то вперед. В командировку, на отдых – сколько экзотических стран равнодушно перечислял женский голос, приглашающий на посадку!

Эля летела назад. В прошлое, из которого она с такими боями пробивалась пять лет назад.

И ведь казалось – судьба подбросила ей все-таки счастливый билет.

Если ты родился в поселке имени Морозова под Питером в старой развалюхе на окраине, если мать у тебя беспробудно пьет, а мужики меняются в доме со скоростью очереди за водкой, если каждый второй норовит хватануть тебя за грудь и между ног, а каждый третий – еще и завалить прямо на прабабкин ларь в коридорчике, ты будешь мечтать свалить отсюда все время, пока не спишь.

Богатая соседка по парте – ее мать работала в ларьке на рынке, а отец – водителем междугороднего автобуса, послушав очередной Элин рассказ, подарила ей как-то баллончик

со слезоточивым газом. Стащила у отца.

Эля – тихая, забитая девочка, для которой главная стратегия выживания – сделаться невидимкой, подумала и баллончик взяла.

Трое мамашкиных ухажеров были выведены из строя один за другим. Они, закрыв руками глаза, носились по улице с громкими матюками и утробным воем. Последний, правда, прозрев, догнал все-таки девчонку и влупил ей кулаком в лицо. Две недели потом с синяком ходила.

Но репутация опасной малахольной была заработана. Поселок маленький, мамашке даже предупредить каждого нового хахаля не пришлось.

– Только тварь эту свою подальше убери! – говорили они с порога.

Эле исполнилось 15, когда мамашка завела нового сожителя. Крепкий мужик в татуировках с тухлыми глазами только что откинулся с зоны. Эля как только глянула на него – походка краба, челюсть бульдога, поняла: этот баллончика не испугается. И мать поняла. Как-то, протрезвев по причине уже полного безденежья, она окинула Элю долгим взглядом с головы до ног и сказала:

– Вон вымахала... Сваливай на хрен отсюда. От греха.

Ушла куда-то, вернулась с засаленной бумажкой с адресом:

– Бабка твоя. По отцу. Сука она, конечно. Тварь поганая. А ты скажи, я сдохла. Может, и не выгонит сироту.

Про отца Эля знала только, что он погиб в пьяной драке, когда ей было два года.

Бабка жила в Подмосковье, денег на дорогу и жизнь – 5 тысяч рублей – дала все та же подружка. Вытащила у мамки из кошелька.

– Не парься, – сказала. – Она еще наворует.

Эля всю дорогу в общем вагоне готовилась к разговору. А никакого разговора и не было. Баба Зина жила в хрущовке-двушке в Мытищах – крошечные комнатки были погребены под старушечьим барахлом, среди которого проложены бабкины муравьиные тропки.

– Живи, – сказала она. – Будешь платить половину квартплаты. А на пенсию мою не рассчитывай. Я ее Ваньке отдаю.

Ванька был младший отцов брат, непутевый алкаш, правда, знающий норму: он всегда был умеренно пьян. Неумеренно – только с бабкиной пенсии.

Она отдавала ему 10 тысяч. Это была единственная возможность посмотреть на любимую кровиночку: за деньгами Ванька являлся аккуратно, даже ел мамашины котлеты – единственное мясное блюдо, которое она позволяла себе раз в месяц по случаю его прихода. До следующей полочки он больше не объявлялся. Сама баба Зина после квартирных выплат питалась весь месяц на 2 тысячи рублей. Внучку ей было не потянуть.

Эля пошла в школу, по утрам мыла полы в магазине, вечером – в офисе по продаже очков.

И все у нее было замечательно. На кружки ходила, спортом занималась. И тут еще вдруг так повезло. Так повезло! В вуз влетела как на ладонях у бога.

Нет, про это вспоминать нельзя. Сойдешь с ума. Она сразу себе это запретила, когда врач с виноватым видом выдал ей, третьекурснице, на руки заключение. Листочек с каракулями вообще-то не страшного диагноза поставил крест на всей ее так прекрасно распланированной жизни.

После этого Эля почти месяц провалялась в полной отключке. Даже не помнит, ела ли что-нибудь.

Из отключки ее вывела бабка. Вернее, ее уход. Весь день дверь в бабкину комнату оставалась закрытой, и Эля в полусне – она пила горстями все успокоительные, которые можно было найти в аптеке, – заметила это не сразу. Только вечером осознала, что какого-то звука в квартире не хватает: громкого шарканья бабкиных тапок.

Постучала, толкнула дверь: бабка лежала на кровати, сухонькая, маленькая, с уже восковым заострившемся лицом и смотрела не в потолок, а в небо.

Брат отца приехал сразу же. Первое, что сказал:
– Выметайся. Чтобы завтра тебя здесь не было. Квартира теперь моя, поняла, сучка? И не вздумай пытаться ее делить. Ты здесь никто!

Эля и правда была никто – в графе «отец» благодаря усилиям вот этой самой бабы Зины у нее стоял прочерк. Да она и не стала бы биться за бабкину квартиру.

Но и выметаться ей было некуда. Совсем.

Жизнь была разрушена до основания. Деньги, которые еще оставались, быстро растаяли. Попытки бывшей студентки быстро найти работу в Москве, чтобы снять жилье, не удалась. Подруг у нее не было.

И сил бороться не было. Она чувствовала себя деревом, в которое попала молния: снаружи вроде все в порядке, лишь верхушка опалена. А внутри все выжжено.

Мать сейчас жила одна. Болела. Так и вышло, что старая развалюха в поселке под Питером осталась единственной точкой на карте, куда она может прибыть.

...До посадки на рейс оставалось каких-нибудь 10 минут, и Эля решила забежать в туалет. Заскочила, заперлась в кабинке. И вдруг услышала мужские голоса.

Она в своем анабиозе перепутала двери. Выйти было неудобно. Мужики все заходили и заходили. И ждать времени нет – так и самолет улетит. Эля решилась, рванула сумку с крючка – сумка шлепнулась на пол, раскрылась, и из нее под дверку кабинки выкатилось яблоко, которое она взяла в дорогу.

Когда Эля, проклиная все на свете, вышла из кабинки, яблоко уже держал какой-то мужик.

Они уставились друг на друга.

– Где только Евы нас не подстерегают! – хохотнул мужик с яблоком и выдал свою коронную фишку:

– Будем знакомы. Абрамович!

Эля опрометью выскочила из мужского туалета. Поплутав по аэропорту, добралась до посадочного выхода. Перед ней в очереди стоял Яков.

– Яблоко свое возьмите! – сказал он, роясь в сумке. И, заметив ее удивление, добавил:

– Да я помыл, помыл. Не выбрасывать же?

Эля рассмеялась. Она сама была маниакально экономна. Станешь тут за копейки трястись, если по ночам колготки приходится зашивать. Яков в этом смысле был ее братом по разуму. Но уже не от бедности, а для сохранения богатства. И еще – она реально ему понравилась. Он хватался за ее сумку: девушки не должны поднимать тяжелое! Сделал замечание парням, которые ее толкнули. Бросился вперед у входа в самолет и почти вырвал из рук пышной дамы последний журнал со стойки, чтобы гордо отдать ей свою добычу. Он ее опекал. Чувство для Эли было новым и удивительно приятным.

Из Питера домой она не поехала. У Якова была хорошая квартира на Петроградке. Жена – то ли на все лето, то ли на всю оставшуюся жизнь – поселилась в Испании на море.

Яков оплатил Эле курсы бухгалтеров и съемную квартиру. Через год она уже вела все его дела. Прямо талант у нее открылся. Еще полгода училась в Америке. Способная ученица оказалась. А главное – надежная. Яков точно знал, что кроме него надеяться Эле не на кого. Разве что на себя.

Явление Анжелы

– Да, Яков мимо рта ничего не пронесет! – рассмеялась Машка, услышав историю про яблоко. Остальные подробности своей жизни Эля стеснительно пропустила.

Мы поднимались к вилле, Эля телепалась где-то сзади, Машка размашисто шагала впереди, и я с трудом ее догнала.

– Не хочу пугать Элю, – сказала я. – Но по-моему, за нами следят. Кто-то подглядывал за нами на вилле, а сейчас стоял на скале. Камешек сверху упал.

– Один-один. – сказала Машка.

– Что один-один?!

– Я закапывала шлепанец – думаешь, не видела, как ты ржешь? А ты заметила слезку. В борьбе за звание пациента с манией преследования счет один-один.

Я обиженно замолчала.

...На террасе у самого парапета стояла какая-то худющая девица, уткнувшись в свой айфон. Она даже не повернула к нам головы, когда Машка бесцеремонно спросила:

– А где Игорь?

Девица нехотя подняла глаза. Она была похожа на дорого одетую перевернутую швабру: тощая, без единой выпуклости, с ввалившимися щеками и длинными белыми патлами нарощенных волос.

– Вы про Игоря Михайловича? – спросила надменно.

– Понятия не имею. Для нас он просто Игорь, – нахально сказала Машка.

Я поняла, что до этой минуты мы даже не знали отчества приютившего нас олигарха.

Тут до террасы доплелась Эля. Девушка, которая явно поумерила спесь, воззрилась на нее с нескрываемым ужасом.

– А что, форма одежды кэжуал? Игорь ничего не сказал... Я взяла сумочку «Hermes». И босоножки...

Она глянула на свои изящно переплетенные розовые паутинки на ногах. И на наши разболтанные сандалии.

– Милочка, Hermes оставьте для бабушек. Это моветон. Сейчас все так носят. Тренд сезона, – покровительственно сказала ей Машка. – И вот я вижу на вас Кавалли. Ну разве так можно? Потрепанная одежда от молодых азиатских дизайнеров. За ней любители моды специально туда летают! – как бы между делом кивнула она на мои холщовые шорты и Элин мешок. И ведь не соврала! Молодые китайские дизайнеры шьют эту модную одежду во всех подвалах Азии.

Девушка-швабра искательно заглянула Машке в глаза. Очевидно, решила, что одеваться так небрежно действительно могут только супербогатые люди.

– Что же мне делать? – растерянно сказала она. – Поехать переодеться? Но у меня такого нет... – с завистью уставилась она на жуткие грязные розочки на Элином платье.

– Оставайтесь пока так. Будете олицетворять старую добрую классику. А где все же хозяин?

– Игорь и Влас – это мой муж – ушли совещаться в кабинет. Кто-то пропал, они ищут, – доложила девица Машке.

– Ну, пусть совещаются, – разрешила та. – А вы кто?

– Я? Мы с Игорем друзья. В смысле мой муж и я.

– Кто у нас муж? – шутливо спросила Машка цитатой из фильма, но девица шутки не поняла.

– У нас муж... Он у Игоря работает. А вы...?

– Мы здесь по делу. Но мне пока не хотелось бы об этом говорить, – Машка сделала непроницаемое лицо. – Да, вы не представились.

– Анжела.

– Отлично. Это Лена и Эля. Кстати, как продвигаются дела с архивом? – закинула она удочку наугад.

– Дурь какая-то. Зачем Игорю это надо, правда? Такие деньги угрохал!

– Но результат-то был, – нащупывала Машка тропинку в полной мгле.

– Не знаю. Вроде этот Абрамович что-то нашел. Но он тот еще мошенник! Прямо на роже у него написано, что любого обжулит.

– Это, кстати, его невеста, – кивнула Машка на Элю.

– Ну... я в хорошем смысле, – не сильно смутилась Анжела.

– Видно, что вы человек наблюдательный, – сказала Машка, глядя в маленькие злые глазки девицы, похожие на стальные сверла. – На ваш взгляд, что здесь вообще (она обвела

окрестности рукой) происходит?

Я думала, девица изумится вопросу. Но ее сушеное личико даже порозовело от удовольствия:

– Ужас, да? Вы тоже заметили?

– Конечно. Но мне интересно ваше мнение.

– Вы ведь Тамару имеете в виду? Да? Или эту соплюшку Полину?

– Обоих! – не моргнув глазом соврала Машка.

– Алчные суки, вот что я думаю. Гонятся за его деньгами. Прямо наперегонки. Тамарка-то уже губу раскатала, что он на ней женится! Счас! Она же толстая! Вы знали, что она ест жареную картошку? А? Я сама видела! Я вот даже вкуса ее не помню! А она прямо лопает, как не в себя!

– Какой кошмар! – закатила глаза Машка, умявшая вчера на моих глазах целый тазик картошки-фри.

– А Полина? Просто развратная гадина! Такая вся с Игорем: «сю-сю!»... Изображает из себя невинность. А Игорь ведется. Дурдом, чистый дурдом. Даже жаль эту алкоголичку Марину!

– А почему он с Мариной не разведется? Ваша версия? – сказала Машка так, будто знает правильный ответ.

– Я думаю, из-за имущества. Из-за чего же еще! Он же когда из России сбегал, все имущество записал на жену. Потом, говорят, переписал обратно. Но никто же не знает! Они все такие алчные!

Анжела сверкнула глазами, и у меня появилось подозре-

ние, что в ее ненависти к любовницам Игоря есть и личный мотив.

– На днях у него будет юбилей. – продолжила Анжела. – Все сирены соберутся. Да только как бы вместо пения не передрались!

– Какие сирены? – спросила я, понимая, что Машка уронить себя расспросами уже не может.

Анжела с неудовольствием перевела на меня сверлящий взгляд.

– Как какие? Которые каждый год ему поют. На этих островах – не помню, как называются.

– Ли Галли, – проявила смекалку Машка – Остров сирен.

– Точно.

– А зачем? В смысле – что там происходит? – спросила я. – И вот эти, Тамара и Полина. Они что, тоже поют?

– Неужели вы ничего не знаете? – изумилась Анжела моему невежеству.

– Я в этой компании новенькая, – честно сказала я.

Анжела посмотрела на Машку – может, она желает мне объяснить. Та махнула ей рукой – валяйте, если что не так – я подключусь!

– Каждый год в день рождения... – начала Анжела.

Похоже, где-то я уже слышала эту фразу.

Скелет принца в шкафу

Каждый год в день рождения Красовский осуществлял свою мечту.

Может, ради нее он и вел изнурительный, полный стрессов бизнес.

В детстве он мечтал стать принцем.

И не где-нибудь. А в «Щелкунчике».

Мама отдала Игоря в балет, когда ему исполнилось 4 года. Сказала: надо реализовывать такие гены, раз уж достались.

Про гены Игорек ничего не понял. А балет полюбил.

Открыли тогда при ДК быстро набравшую в Москве известность хореографическую студию, руководил ею бывший солист Большого Александр Петрович Княжин. Сам Княжин особых высот не достиг – сольные партии танцевал только в юности. Но у него была отличная школа. И огромная любовь к занятиям с малышней.

На занятиях он был строг. Мог и по попке шлепнуть. За дело. А после уроков устраивал студийцам праздники: выезды на природу, веселые дни рождения с конкурсами, смешными танцевальными номерами. Говорил: ребята, запомните: наша студия – это одна большая семья.

Семьи Игорю не хватало.

Отец ушел от матери, когда сыну не исполнилось и года. Как потом сказал: не поладил с тещей. Теща не могла про-

стить, что Ирина – умница, красавица, знает три языка! – выбрала лимитчика. Отец был родом из Воронежа.

У бабки была другая версия: нашел твой отец партию по-выгодней. Какую-то дочку члена ЦК КПСС. Ха-ха. И пролетел. Папашку из состава ЦК вывели. Обещанную квартиру в центре молодоженам не дали. Работу потерял.

Зато мать Игоря вдруг резко рванула по карьерной лестнице. Заняла солидный пост в министерстве иностранных дел. С чьей-то там высокой помощью получила хорошую двушку на Соколе.

Дома она почти не бывала. Совещания, командировки, заседания. Возвращалась поздно, скидывала обувь в коридоре и бросалась на диван со словами: ох, устала!

Тревожить ее в эти минуты было нельзя.

– Игорек, дай маме передохнуть! – слащаво увещевала его очередная нянька.

Все эти тетки из ближнего Подмосковья или из соседних республик при матери с Игорьком противно сюсюкали. А когда ее не было, обзывали неслухом, неряхой, били тряпкой по рукам и кидались оставленными не на месте тапками.

Игорек сначала жаловался матери. Злился, что она верит не ему, а этим чужим злым притворщицам. Потом чутьем одинокого ребенка понял, что она просто не желает ничего знать. Все ее интересы были на работе. Дома она хотела только покоя.

Игорек приставать к матери перестал. Но обиду затаил.

Хореографическая студия давала Игорю то тепло, которого не хватало дома. Княжин выделял его из всех: высокий, красивый мальчишка с гордой осанкой обладал прекрасными балетными данными.

– Давай, старайся! Ты еще станцуешь у меня Принца в Большом! – говорил ему Княжин. И без всяких денег оставался с ним на дополнительные занятия. Он готовил его к поступлению в Московскую академию хореографии – главный балетный вуз страны.

В своей же студии он начал репетировать большой концерт со сценами из «Щелкунчика. Один номер должны были показать по телевизору. У девочки-солистки на телевидении работал папа.

Принца, конечно, танцевал Красовский. И он, и Княжин много ждали от этой записи. Какой плюс при поступлении в академию, где почти 10 человек на место!

В школе у Игоря все о концерте знали: отпрашивался на репетиции. Девчонки вились вокруг него с суетливой радостью только что вылупившихся мотыльков. Мальчишки насмешливо дразнили: «Наш прынец», но была в этом «прынце» и доля завистливого уважения.

Скандал разразился, когда до премьеры оставалось десять дней.

Прямо на занятиях, когда Александр Петрович в который раз заставлял армию мышей дружнее наступать на армию солдатиков, открылась дверь, и в зал вошли два милиционе-

ра.

– Выйдите из зала! У меня репетиция! – закричал и без того раздраженный педагог.

Но милиционеры не вышли, один из них, маленький, кругленький, с любопытством оглядел зал, достал какую-то бумажку, заглянул в нее и спросил:

– Вы Княжин? Александр Петрович? Пройдемте с нами.

Руководитель студии еще огрызнулся:

– В чем дело? Вы что, не могли подождать до конца занятий?!

Но вышел.

Больше в студии его не видели.

А в коридорах закружились разговоры: оказывается, заботливый Александр Петрович, который заменил Игорю отца, пылко любит не только искусство балета. Но и балетных мальчишек.

Кто-то пожаловался дома, возмущенные родители побежали в милицию.

Премьеру, конечно, отменили. И начался кошмар. Мальчишек таскали на допросы. Толстый следователь с сальными глазками выспрашивал: он тебя поглаживал? За попу хватал? А вот вы вдвоем на занятия оставались. Что он делал? Ничего нехорошего не предлагал?

Это было отвратительно, унижительно и дико. Ни разу за все время Княжин не позволил себе с Игорем ничего, что могло бы его насторожить или оттолкнуть. Ничего из того,

что сладенько перечислял следователь.

Но ощущение глобального вселенского предательства обрушилось на плечи и придавило к земле, над которой еще недавно он летал в своих воздушных больших жете.

В газетах тогда про такие скандалы не писали. Но слухи расходились грязными кругами. И вскоре у Игоря в классе тоже зашептались.

Мальчишки стали дразнить его педиком. Девчонки прыскали от смеха и насмешливо сторонились.

Игорь сначала рыдал дома по ночам. А однажды утром твердо сказал убегающей на работу матери: «Я больше в эту школу не пойду.»

Его перевели в другую. Математическую. У Игоря оказалось много талантов. А про балет мать велела забыть.

– Все, хватит мне позора! Зря я тебя в балет отдала. При таких генах. – все так же загадочно сказала она. И кивнула на старую фотографию в серебряной рамке, которую перевезла от бабушки. Там двое – балерина в пачке и невысокий танцор в обтягивающем трико – обнимались на вершине скалы над серым, стершимся от времени морем. Тогда он еще не знал, что именно эта фотография завертит, закружит его судьбу.

* * *

Игорь забыл про балет на тридцать лет. А потом, перед сорокапятилетием, вспомнил.

У него только что появились большие деньги и большие возможности. Дома за границей. Женщины – любые.

Он размышлял, чем бы порадовать себя в такую приятную дату: еще все хочешь, уже все можешь. Зашел навестить мать – она в свои 76 жаловалась на боли в спине, и на его деньги бодро бегала теперь по элитным докторам и чудо-массажистам.

Зацепился взглядом за старую фотку.

В их семье, как и во многих в СССР, почти не говорили о предках. Так, туманные фразы: погиб, умер, пропал без вести. У матери вообще при любых расспросах о прошлом начиналась страшная мигрень. Как Игорь теперь понял – дипломатическая. Он знал только, что женщины в их роду всегда воспитывали детей в одиночку. Мужики не приживались.

А тут впервые за все годы Игорь спросил: —»Кстати, мама, кто там, на фотке?»

– Твой прадед с твоей прабабкой. – усмехнувшись, ответила мать.

– Как?! Ты же говорила, что прадед был рабочий-путиловец и его убили немцы на Первой мировой?

– А что я тебе должна была сказать? Что твой прадед был эмигрантом? Знаменитым танцовщиком? Любовником Дягилева? При моей работе? Я сама ничего не хочу про это знать. Хватит с нашей семьи и прабабки – балерины императорского театра. Чуть всю семью из-за нее в тридцать седь-

мом не расстреляли.

– Так кто был мой прадед?

– Прабабка Нина утверждала, что великий танцовщик Мясин. Но слава богу, никаких подтверждений этому нет.

– В смысле?

– Ну что ты пристал? Я сама уже плохо помню. Мама мне когда-то шепотом рассказывала, что ее мать приезжала к Мясину на репетиции в Италию. На какой-то его личный остров. И там у них случилась внезапная любовь. Чуть ли не на этой скале.

Потом она уехала в Сорренто. Как-то с помощью Горького – он был другом семьи – сумела вернуться к своей матери в Россию. Только Нина была уже беременной.

– В каком году это было?

– Кажется, в 1923. В тридцать третьем арестовали Нинину мать. А в тридцать седьмом пришли за Ниной с дочкой. Но им повезло. Они в этот день были на даче у подруги. Вернулись, а соседи говорят: за вами воронок приезжал. Ну, они сразу на поезд. И поехали на Дальний Восток. Бардак тогда многих спас. Вернулись только в 50-е, когда Сталин помер.

– Подожди. Выходит, я потомок знаменитого Мясина?!

– Успокойся. Так говорила прабабка. А что там на самом деле... Документов никаких нет.

С этой фразы и началась новая жизнь Красовского.

Как отметить сорокапятилетие, он решил сразу, едва нашел название принадлежавшего Мясину острова. С тех пор

каждый год на день рождения он снимал этот остров и устраивал там представление. В память о греческой истории Ли Галли праздник открывали сирены: лучшие молоденькие оперные певицы исполняли пылкие любовные арии. Только в самый первый раз Игорь просчитался. С «Русалкой» Дворжака. Решил выпендриться с редкой оперой, да и сюжет показался ему близок. Холодная русалка из других неведомых миров влюбилась в принца. Все поставила на карту. А холодность свою преодолеть не смогла. Принц ее быстро разлюбил и предал. И тогда она его убила. Поцелуем. С его же согласия.

Красовского самого тянуло к опасностям в любви. Но с солисткой вышла неприятная история. Еле выпутался. Да и музыка по большому счету ни к черту. Больше он с выбором арий не экспериментировал. Заказывал самые известные. А вот балетные номера воссоздавал только из придуманных Мясиним.

Созывал на остров гостей – всегда 20 человек. Больше не вмещал длинный стол у самого парапета над обрывом: все должны были сидеть лицом к морю, чтобы видеть закат. Когда камешек-блин солнца булькал в море, оставляя на воде только розовые импрессионистские всполохи, представление начиналось. Прямо здесь, на террасе над морем. Участников к гостям Игорь всегда выводил сам.

Он был в камзоле Принца из «Щелкунчика».

Человек-пельмень

– Это так поэтично, правда? – восторженно щебетала Анжела, только что рассказавшая мне про дни рождения Краковского на острове. – Игорь вообще та-акой романтик! Мы уже два раза на острове были. Маша, вот честно скажу – сирена из Тamarки никакая. Хотя она и поет в Мариинке. Пять кило лишнего веса! Так себя распустить! Зато танцоры! О! Такие мальчишки! Ну и балерины ничего. Худые. В этот раз у Игоря юбилей. Он обещал сюрприз. А вы там будете?

– Я еще не знаю свое расписание. – сказала Машка.

В этот момент дверь отворилась и на веранду выкатился мужичок, похожий на большой пельмень: маленький, кругленький, лысый, с умными блестящими глазками-бусинками.

Мужик увлеченно жевал пирожок, пока не уткнулся в нас взглядом. И аж подавился. Я порадовалась, что мы можем произвести на незнакомца такое сильное впечатление. Но Анжела вдруг сорвалась с места, бросилась к нему и попыталась разжать рот: так поступают с собаками, подобранными на улице какую-нибудь дрянь.

– Опять! – возопила она. – Ты опять нарушил диету доктора Петкинса! Выплюни! Выплюни немедленно! Ты же мне поклялся!

Мужчина – пельмень быстро глотнул.

– Ты никогда не похудеешь! – возопила Анжела. – Посмотри на меня! Я не ела хлеба пять лет! Я не брала в рот сладкого с Нового года! Я питаюсь только кефиром и листьями салата! И все ради тебя! А ты?

Я посмотрела на изможденную Анжелу с синими кругами под глазами и на розовощекого кругляша. Сравнение было не в ее пользу.

– Анжел, ну ты чего? Подумаешь, один пирожок, – добродушно загудел мужик и почему-то мне подмигнул.

На Машку всегда западают brutальные красавцы, а на меня – веселые толстяки.

– Ребята, не ссорьтесь! Анжела, если ты не начнешь есть что-то кроме салата, ты сожрешь Власика! – не очень вежливо вступил в разговор Игорь, тоже вышедший на террасу с пирожком в руках. – Садитесь, поболтаем! Это Влас – мой... заместитель. – слегка запнувшись, представил он нам гостя.

Мне показалось, что смешное имя «Власик» толстячку подходит, а вот суровое «Влас» – никак.

Мы расселись на мягких диванах – как-то так получилось, что хозяйский стул был выше, и мы теперь смотрели на Игоря снизу вверх.

– Вот, Маша, поглядите, – продолжала негодовать Анжела. – С кем я живу! Никаких духовных интересов! На йогу ходить не захотел. К движению веганов не присоединился!

Еле уговорила сесть на диету Петкинса – вы о ней слышали?

– Это прошлогодний тренд! – не моргнув глазом, сказала Машка, которая с ее мгновенным обменом веществ сроду не сидела ни на какой диете.

– Но ведь помогает! Да вообще! В кино не ходит, книг не читает!

– Анжела, ну ладно! Я много читаю.

– Что?

– Например, этикетки на бутылках.

– Вот именно! Скоро с тобой вообще не о чем будет говорить!

– Как не о чем? А обо мне?! Дорогая, эта тема никогда не надоест!

– Вы что-нибудь знаете про Якова? – вдруг перебила Власика осмелевшая Эля.

– Странная история. – сказал он. И в этот момент его лицо перестало казаться таким добродушным. – Никто ничего не знает. Проверили партнеров в Неаполе – вроде все чисто. Здесь его никто не видел. Вы вещи его проверяли? На месте?

– Вроде на месте. И еще в сейфе...

– Что?

– Сорок тысяч евро наличкой. И какой-то старый рисунок на салфетке. В целлофановом пакете.

– Что там нарисовано? – вскинулся Игорь.

– Какая-то женщина.

Власик и Игорь переглянулись.

– Надо бы посмотреть, – задумчиво сказал Власик. И кив-

нул Эле: – А пойдёмте, дорогая, поболтаем про наши бухгалтерские дела вдвоем, чтобы всех не утомлять.

– Эля, следите, чтобы он ничего не тянул в рот! – строго сказала Анжела.

И я как собаковод-любитель еле удержалась от совета. спаниелям, подбирающим на улице еду, обычно просто надевают намордник.

– Мы будем репетировать? – вдруг раздался снизу чей-то требовательно-недовольный женский голос.

Игорь поскущел лицом.

– У нас сейчас прогон. Скоро же мой юбилей. Пятьдесят лет. Вот, готовлю сам себе праздничный концерт. Хотите посмотреть?

– Конечно! – сказала Машка. – Но полтинник вам не дашь. Петкинс, Аткинс, Дюкан?

– Макаллан и Гурхка Черный Дракон.

– Это авторы диет? Гуру из Индии? – вскинулась Анжела.

– Нет, это названия виски и сигар.

– Ты идешь? – снова раздраженно крикнули снизу.

Мы спустились по винтовой лестнице на второй этаж, зашли сквозь стеклянные двери внутрь. И попали в огромную комнату без мебели: только пианино в углу вздыхало, готовясь к тому, что сидящая на стульчике невзрачная дама будет сейчас его терзать. Несколько тонких стульев испуганно прижались к стене в противоположном углу.

Жгучая брюнетка восточной внешности в обтягивающих

лосинах и футболке, из которой торпедами выпирали груди, стояла у панорамного окна, больше похожего на картину с морским пейзажем. И ее раскосые безжалостные рысьи глаза смотрели на Игоря с ненавистью.

Впрочем, часть этой ненависти она выплеснула и на нас.

– Ты же знаешь, я не люблю посторонних! – сказала она, неприязненно оглядывая Машку с ее такими же торпедными грудями.

– Милая, но это же прогон! На него всегда приглашают зрителей! – примирительно сказал Игорь.

– И мы никакие не посторонние! – возмутилась Анжела.

– Вы не волнуйтесь, я хоть и театральный критик, но это в прошлом, строго судить вашу работу не буду! – елейным тоном подлила Машка масла в огонь.

Я посочувствовала несчастному олигарху. Тяжело, наверное, все время жить на войне, которую женщины ведут за спорную территорию твоего тела. И кошелек.

– Мы будем начинать? – пискнула невзрачная аккомпаниаторша.

Тамара зло взмахнула черным конским хвостом волос: он был завязан такой же резинкой, что и хвостик Игоря.

И подошла к пианино.

Анжела соврала. У Тамары было великолепное сопрано. Глубокое, сильное, оно заполнило всю комнату и, казалось, билось в окна, чтобы вырваться из тесноты на волю.

Но в одном она была права. На месте Одиссея я бы не рва-

нула на такое пение. И не из-за лишних пяти килограммов веса сирены— они как раз ушли в нужные места. В попу и грудь.

Тамара пела о любви. Но никакого страстного чувства в ее голосе не было. Одно лишь самодовольное любование собственными вокальными возможностями. Высокие ноты Тамара брала как спортсмен, идущий на рекорд в прыжках в высоту.

– Отлично! – сказал Игорь, когда голос, пометавшись по комнате, наконец затих.

– Ничего не отлично! – зло сказала Тамара. – Зачем ты вообще дал мне эту арию? Чио-чио – сан! Я говорила, что она не подходит! Какого черта я должна изображать тупую влюбленную дурочку, если как раз сирена всех завлекает и губит!

– Ну, дорогая, не всех. Ты же знаешь, Одиссей уцелел. А сирены плохо кончили, – сказал Игорь, и благодаря недавней болтовне Анжелы я услышала в этой фразе глубинный подтекст.

Тамара его тоже услышала и вскинулась.

– Что ты хочешь сказать?

– Я исключительно про Древнюю Грецию.

– Мы повторять будем? – подала голос аккомпаниаторша. – А то там еще Полина ждет.

Лучше бы она этого не говорила.

– Полина?! – Тамара аж взвилась. – Ты притащил сюда

эту... эту... Тогда на меня не рассчитывай!

Она сверкнула на Игоря таким испепеляющим взглядом, что нас тоже опалило огнем злобы. И выскочила за дверь.

– Как много женщин вокруг вас, Игорь, страдают мигренью, – сказала Машка.

Женщины в хорошем настроении

– А что я такого сказала? – пискнула аккомпаниаторша. И я поняла, что она сделала это нарочно. Такую, как Тамара, сложно любить.

– Вот, у меня список номеров. Сейчас должны быть «Женщины в хорошем настроении» – продолжила она оправдываться, показывая на ноты.

– В хорошем? – прыснула Машка. – Где ж вы их возьмете?

– Это знаменитый Мясинский балет, – вздохнул Игорь. – Может, самый знаменитый. На музыку Скарлатти, по комедии Гольдони. Второе название «Проказницы». Такой очень красивый театр марионеток, не совсем классический. Я специально оставил его для юбилея. Хотел порадовать...

– И это вам удалось! – вспомнила фразу из известного фильма Машка.

– А что, в нем Полина танцует? – спросила Анжела. В ее голосе я тоже не почувствовала хорошего настроения.

– Полина – лучшая из всех, кто у меня выступал! – с запалом сказал Игорь. – Так владеть своим телом!

– Еще бы, – пробурчала Анжела себе под нос. – Это точно. Игорь уже набирал смс в телефоне. Наверное, проказницу на сегодня отменял.

– Вы погуляйте по саду, – сказал он нам. А через полчасика поднимайтесь наверх. Будем ужинать. Мне тут надо по

делу...

И быстро выскочил из зала.

– Пошел Тamarку успокаивать! – хмыкнула Анжела. – Она баба бешеная. Сорвет еще ему весь юбилей.

– Да, такая может. Сразу видно – стерва, – поддакнула Машка. Она не терпела никакой конкуренции на ниве стервозности. И размера груди.

Они обе не ошиблись. Мы решили подняться наверх с другой стороны виллы, чтобы прогуляться по чудесному саду. Апельсины веселыми мячиками катались под ногами. «Очень калорийные!» – пнула один из них Анжела. Завернули за угол и сквозь панорамные окна увидели бильярдную, которую недавно нам с гордостью показывал Игорь. Сейчас он стоял у края стола, а у полка с шарами дикой рысью носилась Тамара и что-то кричала.

Мы уже хотели отвернуться от этого завораживающего зрелища. Как она вдруг схватила его любимый антикварный кий – Игорь минут пять рассказывал нам, как торговался за него на аукционе в Лондоне. И со всей силы переломила о свое колено.

– Хорошо, не о его голову, – сказала Машка. – А ведь могла...

Любимое дело Власика

Мы поспешили скрыться с поля битвы.

– Твой муж как любит допрашивать? С пристрастием? – спросила Машка. – Волнуюсь за Элю.

– Он на страсть не способен! – Анжела презрительно скривила губы. – Ни на что не способен. Только мучное жрет. И мясо. Вообще, девочки, мужики вырождаются. Доктор Зильберштейн писал, что мужчины – тупиковая ветвь.

Я вспомнила, сколько жалоб на мужей выслушала от своих пациенток, вообще-то страдающих от аллергии. А как копнешь глубже, начнешь расспрашивать про источники стресса – получается, от невнимания мужчин. Замужние негодуют, что эти гады уклоняются от выполнения супружеских обязанностей. Причем с особым цинизмом прибегают к веками отточенным дамским отговоркам: голова, мол, болит.

Но и одиноким не легче.

Вот раньше незамужние симпатичные дамы всегда имели шанс хотя бы на нормальный секс. Желающих завязать роман без обязательств было – в окно не перекидать. А теперь красавицы выглядывают в это окно: «Ау?». Нет ответа.

То ли к стрессам сильный пол оказался не готов. То ли начался глобальный процесс стирания граней между М и Ж, и победного шествия трансгендеров. Прямо тревожно за че-

ловечество!

Мои размышления о закате секса в современном мире прервала Машка.

– Чем вообще твой Власик занимается? Бухгалтерией? – спросила она у Анжелки, шагая по выложенной разноцветным гравием дорожке к фонтану в виде плюющей рыбы.

– Почему бухгалтерией? – обиделась Анжела. – Он начальник службы безопасности.

– Что?! – мы даже остановились.

– Он занимается охраной?! – переспросила Машка.

– Да. Игорь только ему доверяет. Они же знакомы с детства. За одной партой сидели. Потом Игорь в Плешку пошел, а Власик – в МГУ. На математику.

– Не поняла. Ты же сказала, он занимается безопасностью?

– Да. Так сейчас такая безопасность... Все в компьютерах. Ну и он еще на армию поработал. В штабе каком-то служил. Только там зарплата маленькая. А ему надо алименты этой сучке – первой жене платить. Нарожала, а он содержи! Бывают же такие наглые!

– От кого нарожала? – удивилась Машка.

– От него. Да какая разница! Хотела детей – пусть сама и кормит!

– Угу. С Игорем Влас давно вместе работает?

– Давно. Еще банк был. В России. А когда их банк лопнул и Игорь сюда сбежал... Ну то есть переехал... Власик тоже

купил нам виллу. Здесь недалеко. Конечно, не такую шикарную. Все же он два года сидел. Без работы.

Пауза между последними словами показалась мне странной.

Но Машка ее перескочила и спросила:

– А чем конкретно Влас у Игоря занимается? Телохранителей нанимает?

– Да, и это тоже. Но в основном следит, чтобы фирму на бабки не кинули. Ищет должников. Наказывает. – сказала Анжела.

И увидев, как мы переглядываемся с Машкой, добавила:

– А что такого? Ему даже нравится. У него и кличка была – власовец.

– Где была? В школе?!

– Нет. В тюрьме.

Амфора с секретом

Машка поперхнулась.

– Власик сидел в тюрьме? – изумилась я. – За что?

– Ой, он просил не говорить! – спохватилась Анжела. –

Пойдемте, девочки, нам пора!

Я подумала, что, пожалуй, зря мы с Элей сюда притащились. Если Яков и вправду намудрил что-то с деньгами Игоря, это было последнее место, где невесте-бухгалтеру стоит искать защиты. И вообще. Что-то нездоровая здесь обстановка.

Того и гляди, рванет.

...Мы поднимались по крутым ступенькам. Внезапно над головами гулким эхом раздался топот ног: будто кто-то кинулся вверх, не желая, чтобы мы его увидели.

– Слышала? – спросила я Машку.

Но Машка уже скакала вперед оленьими прыжками. Мы еле поспевали следом. И только шагнули на террасу этажом выше, как вдруг увидели ее.

Марина шла нам навстречу вдоль парапета. Поглядывала на стеклянные окна дома. Будто проверяла: не видят ли ее. Нас она не заметила. Вдруг, бросив быстрый взгляд по сторонам, метнулась к греческой амфоре. Раздвинула головы пионов, что-то положила внутрь. И направилась обратно в дом развязно-прогулочной походкой.

– Как интересно люди живут! – сказала Машка.

– Думаешь, это она сейчас нас выслеживала? – спросила я.

– Нет, она не умеет так быстро бегать. И шла с другой стороны.

Мы огляделись – вокруг было пусто. Вазы с цветами, море, белые колонны... И никого.

– Заглянем, что там? – кивнула Машка на амфору.

– Заглянем, заглянем! – закивала остреньким любопытным носом Анжела.

Но шарить по чужому имуществу нам помешали.

На террасу вышли Власик и Эля. Эля была в черных очках, но лицо ее пунцовело. Разговор у них явно был жаркий.

– Анжела! Я честно голодаю уже час! – патетически воскликнул Власик. – А доктор прописал дробное питание. Девочки, все на ужин! А то твой лист салата остынет!

– Сейчас! Мы вас догоним. – сказала Машка. И когда за неохотно оторвавшейся от нашей компании Анжелой и ее голодающим мужем закрылась дверь, набросилась на Элю:

– Ну? Что? Ты знаешь, что Власик у Игоря – начальник службы безопасности?

– Да? – удивилась Эля. – А я-то думаю, что он меня все спрашивает...

– О чем?

– Да обо всем. С кем Яков встречался, кто ему звонил. Говорит, что деньги так и не дошли. Какая-то программа там еще у них не открывается. Я в этом не понимаю. По-моему,

Влас думает, что Яков сам сбежал.

– Ну и дурак. Не того человека поставили безопасностью заведовать.

– Почему? – спросила я.

– Потому что Яков не ушел бы из номера, оставив в сейфе 40 тысяч евро. Он и 10 евро там бы не оставил.

– Может, это компенсация Эле? – предположила я.

– Сколько он тебе платил? – спросила Машка невесту Якова.

– Пятьдесят тысяч рублей, – потупила она глаза.

– Сколько?! Да ты знаешь, какие зарплаты у бухгалтеров в фирмах по Москве?! Это же копейки!

– Он еще брал меня в командировки. Платил в ресторане. Иногда.

– Хочешь сказать, ты еще и в ресторане за него расплачивалась?! С такой зарплаты?!

– Зачем мне деньги? Ем я мало, одежду почти не покупаю...

– Это видно! – не удержалась Машка. – Короче, Лена, ты веришь, что такой человек оставит девушке в сейфе сорок тысяч евро?

– С трудом.

– Я и говорю: бред. Там что-то другое.

– Влас еще про рисунок из сейфа спрашивал. Даже просил меня его нарисовать! – вспомнила Эля. – Только я рисовать вообще не умею.

– Тот, кто на салфетке чиркал, тоже не сильно умел! – сказала Машка. – Что вы решили?

– Они еще раз проверят свою бухгалтерию. Я свою. У меня компьютер в номере остался. А про Якова так и не понятно...

– Да, история мутная. – вздохнула Машка. – И для всех неутешительная.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

– То и имею. Вот попали мы на дорожную виллу. И что? Один замученный жизнью олигарх. Вокруг него – толпа страдающих баб. Не протолкнуться. Где мужики-то?

– Хозяин ждет вас на ужин, – вынырнул из глубин дома рослый смуглолицый красавчик-официант в бабочке. – Стол накрыт в гостиной.

И игриво добавил, обращаясь к Машке.

– Я могу вас проводить.

– Не надо, дорогой, мы уж как-нибудь сами! – сказала Машка. И, повернувшись ко мне, театрально закатила глаза.

Официант не имел шанса стать мужчиной ее мечты.

Ужин в террариуме друзей

Марина в длинном золотистом платье вышла на ужин последней. Все уже сидели за столом.

Я думала, она вообще не появится. Но она царственно уселась на стул рядом с Игорем, оглядела всех орехово-медовыми глазами, вежливо улыбнулась уголками рта и показала на яства распахнутыми ладонями:

– Прошу!

От нее даже почти не пахло виски.

– Костя ей капельницу сделал, – зашипела мне в ухо сидящая рядом Анжела.

– Кто такой Костя?

– Бурят.

Увидев по моему лицу, что яснее не стало, Анжела зашептала: «Шаман из Бурятии. Он и иголки ей ставит, и травами поит. Когда из запоя выводит. Замучался с этой алкоголичкой. Вы бы знали, какой он массажист! Так вправил мне спину после занятий айкидо. А какие у него отвары, чтобы есть не хотелось!»

Здоровье Анжелы явно требовало от нее жертв. Я вздохнула. Сколько таких страдалиц за здоровый образ жизни бегают по нашей поликлинике, пытаюсь разобраться, почему не работает кишечник, кожа покрылась прыщами, и нет сил жить. Хотя они с утра до вечера борются с калориями, уг-

леводами, холестерином, животными жирами и нормальным желанием вкусно поесть.

А кто-то плюет на диеты. И отлично себя чувствует.

Я повернулась и увидела, как Власик одним вороватым глотком осушил рюмку водки. Быстро переставил ее к Игоревой тарелке. Тот мгновенно наполнил рюмку снова, и слегка подвинул к Власику.

Было видно, что этот номер у них отработан.

Состав гостей был почти тот же: даже Тамара с надутым видом восседала на другом краю стола. Но появились и новые лица.

Дама со светлыми локонами и навеки удивленно распахнутыми после пластики фаянсово-голубыми глазами – судя по всему, подруга Марины. Ее престарелый муж-итальянец в шикарном белом костюме, смахивающий на мафиози из фильмов, с красивым именем Лоренцо. Невзрачный мужик с выпученными глазами, похожий на засушенную воблу. И симпатичный мачо лет 35 в рубашке-гавайке с пальмами, очень похожий на молодого Джонни Деппа: такая же аккуратная бородка с усами, выпуклые влажно блестящие глаза, густые, зачесанные назад с помощью воска черные волосы. Если бы Депп не преуспел в кино, а оказался в итальянской глуши, он выглядел бы точно так же, как этот Андрей.

Игорь сидел во главе стола, и его не понравившиеся Машке губы были плотно сжаты. То есть по мужскому барометру показывали приближение грозы.

– Я вот думаю: если бы все делали, как мы, Россия бы поднялась! – начал традиционный запев русского застолья человек, похожий на воблу. Его представили как Геннадия.

– Кто «мы»? – спросил Власик.

– Православные предприниматели! Слышишь, Игорь? Мы вот каждый год ходим на яхтах по Средиземноморью. А в этом году решили: хватит иностранцам деньги отдавать. Пойдем сначала по российским рекам! Взяли и построили в соседней деревне Сысоевке причал для яхт. И ведь это останется людям! Местным жителям. Если бы все патриоты взяли за правило: раз в год неделю отдыхать в России, страна бы уже процветала!

– Зачем жителям Сысоевки ваш причал для яхт? Рыбу с него ловить? – ехидно спросила Машка.

Гена сверкнул на нее глазами. И ответом не удостоил.

– Да, надо больше думать о людях! – поддержала его Анжела. – Например, меньше есть! Некоторые – Анжела метнула взгляд на Марину – покупают разной дорогой еды. Потом ее недоедают. И выбрасывают. А люди в Африке голодают! Правда, Маша? – обратилась она к подруге за поддержкой.

– Мы еду доедаем! – весело ответила та.

– Кстати о голоде, – сказал Игорь. – Предлагаю выпить и закусить.

Давешний официант запорхал вокруг гостей, предлагая устриц и улиток, моцареллу-буффало с помидорами, жареные баклажаны, розовое прошутто, кольца кальмара в кляре

и что-то мне неизвестное в красивых тарелках. Впереди была еще паста, а затем горячее.

На тарелке перед Анжелой, как и предвидел Власик, тосковал одинокий лист салата.

Итальянец поднял бокал с шампанским и провозгласил тост, который перевела его жена: он называл ее Ирэн.

– За хозяйку дома! И еще он говорит, что у тебя чудесное платье!

– Спасибо! – усмехнулась Марина. – Но это прошлогодняя коллекция. Мой муж не очень-то щедр.

И она с вызовом посмотрела на Тамару.

– Правильно! – сказал воблоглазый. – Женщинам вообще не надо давать денег. Покупать в дом продукты, дарить тряпки, возить отдыхать – пожалуйста. А денег в руки не давать! А то накупят разного... (и, посмотрев на массивное кольцо на шее Анжелы, он еле сдержался, чтобы не добавить «говна».)

– Или начнут содержать пол-Индии. Да, дорогая? – сказал Власик. – Смотрю: у меня на карточке деньги улетели, прямо как в унитаз их смыло. Я уж подумал... Короче, проверяю. И выясняется: она ходит к какому-то мошеннику, который ей чакры прочищает. Каждая чakra – тысячу евро. Он мой карман за месяц так прочистил!

– Ничего он не мошенник! – капризно сказала Анжела. – Ты же не дал пройти курс до конца.

– А вы бы, мужики, все хотели, чтобы жена стала рабыней! – вступила в бой Ирэн, отмахиваясь от просьбы ита-

льянского мужа перевести суть спора. – Чтобы была кухаркой, уборщицей и любовницей в одном лице. Без всякой зарплаты. Отлично!

– Почему все? – улыбнулся провинциальный Депп. – Я лично считаю – пусть женщина работает. Зарабатывает. И каждый сам распоряжается своими деньгами. Если уж мы говорим о равноправии.

– Интересно, как это русская жена в Италии может зарабатывать? – вскинулась Ирэна. – Вот я была экономистом. Преподавала в вузе. Кем я могу здесь устроиться? Продавцом? Так тут у них самих безработица. Вы, Андрей, потому так говорите, что не женаты!

При этих словах я прямо почувствовала, как Машка сделала стойку.

– И не хочу жениться. Зачем? Это только ограничивает свободу! В том числе женщины.

Машка рядом со мной выдохнула.

– А я считаю, – сказала вдруг Тамара, – все зависит от женщины. Для одной женщины мужчинам денег жалко. А для другой – нет.

И она, тряхнув бриллиантовыми серьгами, вернула Марине ее убийственный взгляд.

– Да, некоторые мужчины имеют дурную привычку. Дарят дорогие подарки, когда хотят избавиться от надоевшей бабы тихо. – сказала Марина.

На секунду за столом все замерли.

– А я как-то спросил свою первую жену – она все меня пилила, что я мало денег приношу. Думала, в заначку откладываю. Скажи, говорю, вот сколько тебе нужно, чтобы ты была довольна. Она задумалась, а потом честно отвечает: все, что ты получаешь! – попытался разрядить обстановку Власик. – Вам, бабам, не важно, сколько даешь, важно, чтобы у мужа ничего не осталось!

Все, кроме Тамары с Мариной, рассмеялись. Но тут Власику в деле разрядки напряженности пришло подкрепление. В комнату шаровой молнией влетел белый пуделек и с разбегу запрыгнул Марине на колени.

– Сонечка, вот кто моя радость! – расплылась хозяйка. – Чижик мой! Чижик-пыжик! Правда, милое прозвище – Чижик? – обратилась она к Эле, тыкая в нее пудельком.

Эля ничего не ответила, испуганно дернулась и отодвинулась.

– Извините, – пробормотала. – Меня просто в детстве соседская овчарка покусала.

В это время радость скакнула на стол, опрокинула миску с салатом и тут же начала, давясь и чавкая, его заглатывать.

– Марина, я же просил! Не пускай сюда собаку! – схватил пуделька за шкурку Игорь.

– Я тоже тебя просила, – выразительно сказала Марина, отбирая Сонечку, и еще раз стрельнула в Тамару глазами.

Я поняла, что у дам идет поединок на выживание. А предмет битвы занял выжидательную позицию. Решил посмот-

реть, кто победит. Или просто любит женский бокс. Единственное, что дамы не могли себе публично позволить – это вцепиться друг другу в волосы. Пока не могли.

Марина схватила свою перепачканную в соусе прелесть и пошла ее мыть.

– Игорь, а что за архив вы ищете? – вдруг спросила Машка. И, почувствовав напряжение за столом, мило улыбнулась:

– Нас на журналистике учили: видите что-то непонятное – спрашивайте. Вы же сами говорили, что Яков нашел какой-то архив. В чем там дело?

– О! Ты журналистка? – ахнула Анжела. – Я тебе потом расскажу такую историю! Как меня пыталась убить моя маникюрша! Она нарочно сломала мне ноготь!

Я еле удержалась, чтобы не рассмеяться.

– Видите ли, Маша, – мягко улыбнулся Красовский и снова стал вырабатывать свое обволакивающее кошачье обаяние. – Это архив Михаила Семенова. Я вам про него говорил. Того самого литератора, который помог Мясину купить острова Ли Галли, а потом за ними присматривал.

– Ты все-таки его нашел? – быстро спросил Гена.

– Не совсем. Но надеюсь.

– А что в том архиве? – заглянула Игорю в глаза Машка.

– Длинная история. Лично мне интересны там несколько писем. Вот Андрей – Игорь кивнул на неженатого мачо – он историк, пишет диссертацию по русским эмигрантам в Италии. Любезно согласился мне помочь. Он больше об этом

знает.

– Что вас интересует? – вежливо спросил у Машки Андрей без тени мужского интереса. И сразу потерял в ее глазах сто очков.

– Меня интересует, что в бумагах никому не известного литератора такого, из-за чего вы все тут сходите с ума?

– Никто точно не знает. – сказал Андрей. – У Семенова кутил весь цвет той эпохи. Пикассо, Бакст, Гончарова, Стравинский, Дягилев, Мясин и еще много знаменитостей подолгу жили в его доме. Художники делали эскизы. В рисунки Пикассо – он все время на салфетках рисовал – они лампочки заворачивали. Что-то могло остаться. Наконец, вторая часть воспоминаний самого Семенова. Первая часть под названием «Вакх и сирены» была опубликована, а вторую Семенову публиковать запретили. Из-за фривольного содержания. Но скорее, потому что он тогда был в опале из-за дружбы с Муссолини. Рукопись исчезла. Но вдруг сохранились черновики? Еще там могут быть письма, раскрывающие личные тайны известных людей.

Андрей взглянул на Красовского. И добавил:

– Если, конечно, все это не сожгли.

– Кто же мог сжечь такие богатства?

– Фактическая жена Семенова Валерия Тейя продала архив старьевщику. А уж что сделал с архивом старьевщик...

– Она что, этого Семенова ненавидела?

– Может, просто устала от его выходок. Он ведь тут много

чудил. Ходил перед домом голый: говорил, так ближе к природе. Устраивал такие вакханалии, что про них разговоры до Рима доходили. Женщин очень любил. И они его. В доме всегда кто-то гостил, пил, здесь бесконечно дурачились, ругались на почве ревности... Ну и жил он на ее деньги. Валерия – все звали ее Теа – ради Семенова ушла от мужа, между прочим, депутата итальянского парламента. А он тут же начал проматывать ее средства в пьяных оргиях и кутежах...

– Да, от этого можно устать. – сказала Машка. – Несчастливое тут какое-то место для женщин.

– А где оно, счастливое? – спросила с усмешкой Тамара.

– Она и хоронить его отказалась так, как он завещал. Не посчиталась с волей покойного. – добавил Андрей.

Я подумала: он не считался с ней при жизни, она с ним – после смерти. Квиты?

Завещание

(Михаил Семенов, 1952 год)

...Семенов глянул на себя в темное, запыленное зеркало. Старик. Длинная неопрятная рыжая борода. Морщинистое, загорелое дочерна лицо. Серое рубище вместо одежды. Только глаза прежние. Веселые, ярко-голубые. Неудивительно, что гости, приехавшие на остров Мясина, за которым они с Теей присматривают, сначала приняли их за крестьян.

Надо, наверное, все же сходить к цирюльнику.

Семенов пошарил глазами по кухне: закопченный самовар, кофейник в подтеках, куча посуды в углу стола. Полная пепельница – Теа смолит, как паровоз. Потолок потемнел, стены выцвели. Когда-то после войны они сидели тут без света – денег не было на электричество. И закоптили все лампами.

Вилла «Мельница Аръенцо» тоже состарилась. Когда он ее купил? В 1916 году? Тогда это действительно была полуразрушенная древняя мельница. Дягилев еще не верил:

– Ничего ты с этой рухлядью не сделаешь! И вообще. С твоим характером – жить в такой глуши?! Блажь!

А он прожил – сколько получается? – 36 лет? Да. И весело прожил. Дягилев ошибся. Он не лишился тогда веселой компании. Просто веселая компания перебралась сюда.

Михаил – в Позитано все звали его Микеле – раздвинул посуду на кухонном столе. Положил чистый лист бумаги.

Уже собрался писать, но встал, открыл шкаф и плеснул себе самогону.

Такие дела посуху не делают.

Наконец взялся за перо. И вывел это противное царапающее слово.

«Завещание»

Еще секунду подумал. И неровными буквами стал писать:

«Завещаю похоронить меня в море: отвезти тело на лодке и бросить подальше от берега. Я так много съел рыбы, что, ради справедливости, и рыбы должны меня съесть.»

Перечитал и усмехнулся.

Надо соблюдать чистоту стиля до конца.

Всю жизнь он был экстравагантен. Всю жизнь что-то выдумывал. Биографию. Как суетились перед ним эти большевички, когда он рассказывал, что хочет передать на дело революции доставшееся от отца имение Алмазовка! Которое на самом деле принадлежало не ему. Но ведь денег на их газетку он тогда им нашел. Знать бы, к чему тот, картавый все приведет. А эти итальянцы – как заглядывали ему в глаза, когда он говорил, что он сын сенатора, богатый наследник. Женщины обмирали от его рассказов об офицерской службе, масонских тайнах и интригах двора, к которому был при-

ближен отец.

И ведь он почти не врал. Все это было. Не с ним, но было. Спасибо полному тезке, троюродному брату: сколько раз его биография выручала из самых затруднительных ситуаций.

Да, пожил хорошо, не скучно. Одна богатая жена сбежала от него, от другой, еще более богатой, сбежал он сам. Его обвиняли в убийстве, за ним следила полиция, о нем писали донесения.

Он был нужен всем: Дягилеву, которому помогал в организации выступлений в Риме. Мясину – ведь именно он нашел для него лучшее место на земле. Художникам, поэтам, композиторам – цвету мировой творческой элиты. Он всегда был среди тех, кто придавал вкус и цвет своему времени. Как катализатор помогал талантам встретиться, соединиться, зажечься друг о друга. Да, он тоже подбрасывал дров в веселое пламя Серебряного века, арт-нуво, модернизма.

А вот сейчас не нужен никому. Предложил издателю написать сборник дорожного чтива «Эротические воспоминания». Тот отказал. Мол, в ваши 78 лет – какая эротика.

Дурак! Он и из первого тома воспоминаний о всей его жизни эротические сцены вычеркнул. А ведь они были хороши! Вторую часть вообще вернули. Пожаловался Бунину, Вячеславу Иванову. Иванов ответил:

«Записки свои бережно храните, они сослужат свою службу в будущем».

А есть ли у него будущее? Здоровье подводит, гости пере-

стали бывать. Один только сосед Франко Дзеффирелли еще слушает его удивительные истории. И всему верит... Даже тому, что он сын русского промышленника, которому принадлежала железная дорога от Санкт—Петербурга до Одессы, что сбежал в Позитано после дуэли с родственником царя из-за балерины, звезды петербургской сцены.

Хотя... Дуэли, конечно, не было. А балерины были. О, какие балерины!

Семенов оглядел комнаты, заставленные старыми вещами.

Так устроен мозг: с годами лучше помнишь то, что было давно. И не можешь вспомнить, что ты ел сегодня на завтрак.

Вот здесь, в этой гостиной она сидела. Приехала к Мясину. На репетицию – он тогда еще мечтал устроить на острове свой театр. Но разыгрался страшный шторм. И добираться на остров на лодке было опасно.

Так думала эта прекрасная, тонкая, как веточка, девочка. Не знала она, что остаться наедине с Семеновым в его мельнице – куда опаснее, чем оказаться среди волн!

Или вот еще воспоминание. Вот здесь, прямо посреди этой гостиной Дягилев смертельно ссорится с Мясиним. Он приревновал его к Клавелю. Поэт Клавель решил отомстить своему возлюбленному – Таволато, который изменил ему с Кокто. Ну и приударил за Мясиним. А Мясин так устал от диктата Дягилева, что ответил на ухаживания «швейцарского гнома». Да, страсти тогда здесь бурлили!

А как Дягилев орал на Мясина, когда тот решил купить острова! Он просто возненавидел Ли Галли. Потому что понял: Мясин покупает не место для дома, а свободу. От него, своего Маэстро. И ведь не ошибся.

Мясин от Дягилева сбежал к балерине. Потом поменял еще двух жен. И со всеми жил на этих островах.

Возлюбленные Дягилева всегда изменяли ему с женщинами...

А там, в спальне, Пикассо впервые познал свою любовь Хохлову. Уж как ее уламывал! И все время лихорадочно рисовал ее профиль на чем придется – обрывках газеты, книжках, салфетках.

Ну и уломал на свою голову.

А сколько здесь было выпито! Наверное, собери все вино, что лилось здесь эти годы – будет еще один Амальфитанский залив!

Семенов плеснул себе самогонки, и снова придвинул листок с завещанием:

«На оставленные мною деньги прошу памятника мне не ставить. А каждый год собирать всех, кто меня помнит, и устраивать веселое застолье – пока деньги не кончатся.»

– Вот интересно, – подумал Семенов. – На сколько раз хватит Тею?

Отъезд домой

– Веселые поминки вдова устроила всего один раз. Похоронила Семенова на местном кладбище. А на все оставшиеся деньги поставила ему бронзовый бюст. – закончил Андрей свой рассказ.

– Женщины никогда не делают то, о чем их просят мужчины! – вздохнул Власик.

– Зато мужчины всегда делают, что захотят! – парировала Машка.

Остаток вечера прошел мирно: Марина к столу не вернулась, Тамара берегла силы для новых схваток. Анжела жевала рукколу, жена итальянца, улыбаясь Лоренцо, сквозь зубы жаловалась нам на жизнь: ей осточертело каждые выходные встречаться с родней мужа и по пять часов поедать нескончаемую пасту.

Игорь шутил, в основном с Машкой, а Власик и воблоглазый о чем-то болтали.

– А он кто? – спросила Эля у Анжелы, показывая на Гену.

– Бизнесмен. У них с Игорем дела. Но сам он считает себя отличным антикваром. С ним тут все советуются, когда какое-нибудь старье или драгоценности покупают. Он хвастает, что любую подделку отличит. По-моему, врет. Вот у меня кольцо – кучу денег стоило. А он только губы так скривил: в следующий раз советуйтесь до покупки! Ага! У него же

никакого вкуса! Подумаешь – искусствовед по образованию. А сам вообще в красоте не разбирается!

Я посмотрела на противного мужика по-новому. Для человека с бесперспективным образованием искусствоведа он неплохо преуспел в жизни.

– Не хочу вызывать вам такси – у нас сейчас такие лихачи появились. Костя вас отвезет! – сказал нам Игорь, когда последнее пирожное тирамису исчезло в бездонном Машкином желудке.

Гости побрели к своим машинам на стоянку перед домом, Ангела махала Машке как родной.

– А вас, Геннадий, я попрошу остаться! – сказал антиквару Власик голосом киношного Мюллера.

– Завтра созвонимся – надеюсь, у меня будут новости, – сказал Эле на прощанье Игорь.

Но новости оказались у нас, и значительно раньше...

* * *

...Костя потряс мое воображение, хотя потрясений хватало и без него.

К шикарнейшей ауди вышел парень ростом метра в два, с широкими плечами и буграми мускулов – вылитый Геракл. Да он и напоминал изваяние: молчаливый, с неподвижным скуластым лицом: огромные темные раскосые глаза, черные густые волосы, чуть вывороченные губы – я подумала, в его

родословной не обошлось без монгольских кровей.

Обычно такими бывают красавцы-злодеи в дешевых боевиках.

– Говорят, вы шаман? – попыталась Машка завязать беседу.

Но Костя ей не ответил и до самого Амальфи не проронил ни звука.

На месте Марины я бы тоже его боялась.

Дверь отеля мы открыли своим ключом. Внутри было темно и тихо: дежурные уходили ночевать в другой корпус. Даже страшновато заходить. Машка протянула руку, зажгла свет, и мы сделали бросок к номеру Эли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.